ВАДИМ
ПАНОВ
ПРЕ(ВОСХОД)СТВО
Литрес

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

К середине XXI века люди построили очень комфортный мир, в котором цифровые сервисы так плотно сплетены с реальностью, что пользователи начинают их путать, начинают воспринимать выдуманное – подлинным, а подлинное – ненастоящим. Мир обрёл множество Метавселенных и стал невероятно большим. И одновременно – очень маленьким, не выходящим за рамки цифровых иллюзий, в которые погружены почти все жители планеты. Их тела живут в гигантских агломерациях, а души – в грандиозной Сети. А те, кому принадлежит всё настоящее планеты, считают их стадом, а себя – избранными. Они считают, что могут творить что угодно, абсолютно всё… Но теперь им предстоит встретиться с настоящим противником, способным доказать избранным своё превосходство.

Может ли смерть состоять из единиц и нулей? Что делать, если террорист принадлежит к высшему обществу? Как остаться настоящим человеком в мире, где всё вокруг кажется ненастоящим?

- Вадим Панов
  - ○
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4
  - ○ 5
  - ○ 6

Вадим Панов
Пре(восход)ство

Иногда всё вокруг кажется ненастоящим…

Слишком величественным… или красивым… или совершенным… идеальным настолько, что вызывает удивление даже у нас, которые всё видели и считают, что давным-давно разучились удивляться. Мы создаём Вселенные, пусть цифровые, но абсолютно реальные – осязаемые всеми органами чувств; мы придумываем новые физические законы – действующие в этих Вселенных, и они работают так же, как классические законы физики работают в реальности; и если мир – это наши ощущения, то мы познали его чуть более, чем полностью – и не один мир, а множество разных. Самых разных Вселенных. Мы бродили по вечным льдам Антарктиды, плавали в невесомости гигантской орбитальной станции, любовались завораживающими видами с лун Юпитера и Сатурна… И всё – с полным погружением, с ощущением бездны под ногами, стирающим лицо холодом, обжигающими потоками лавы, ураганным ветром и громким смехом стоящего на вершине двадцатикилометрового Олимпа победителя – мы всё это пережили.

И всё равно не разучились удивляться.

– На какой мы глубине? – тихо спросила Шанти.

Можно было бросить взгляд на монитор, но девушка не могла оторваться от лобового иллюминатора.

– Два с половиной километра, – ответила Марлоу.

– Они молодцы, – пробормотала Шанти, имея в виду разработчиков Метавселенной «Ватн». – Я понимаю, что всё окружающее совершенно невозможно в реальном мире, но верю всему, что вижу.

Верит в то, что несмотря на сильнейшее давление, на глубине в два с лишним километра может существовать столь бурная и разнообразная жизнь. Да ещё с полным соблюдением правил пищевой цепочки: на скалах виднелась растительность, на которой «паслись» и жирели миролюбивые «овцы» – точного названия этих рыб Шанти не знала, а про себя назвала именно так – служащие кормом для хищников, благодаря чему, возможно, размерами хищники могли поспорить со скоростным двухместным скутером, на котором девушки путешествовали по просторам необычной Метавселенной. До сих пор хищники на скутер не реагировали, но у Шанти иногда возникало

неприятное ощущение, что то один, то другой, нет-нет, да поглядывают на судно, оценивая, сколько калорий можно из него извлечь. Шанти видела их взгляды, потому что создатели «Ватна» – с маниакальной точностью передав основные физические законы – не стали погружать подводную Метавселенную в беспросветную тьму, оставив посетителям возможность полноценно наслаждаться обитателями глубин.

– Вероятность нападения хищника – одна сотая процента, – сообщила Марлоу, перехватив очередной взгляд спутницы на проплывающего мимо монстра.

– Откуда ты знаешь?

– Прочитала в описании.

– Они специально ввели эту вероятность?

– Конечно.

– Зачем?

– Пощекотать нервы гостям.

– Глупость какая, – пробормотала Шанти и отвернулась, недовольная тем, что спутница с такой лёгкостью прочитала её беспокойство.

– Не глупость, а тщательно продуманный ход, – не согласилась Марлоу. – Сеть безопасна для людей, и ливерам[1] это обстоятельство давно приелось. Ливерам хочется новых ощущений, и разработчики идут навстречу, создавая ситуации, способные их напугать.

Шанти бросила на спутницу внимательный взгляд, Марлоу его выдержала и чуть улыбнулась. Произносить ничего не требовалось: девушки знали, что они только что поговорили о привычной безопасности в Сети и новых ощущениях, которые в скором времени станут доступны пользователям. Очень острых, а иногда – опасных – ощущениях, которые они уже подарили миру.

И отказаться от подарка мир не сможет, потому что новые боты вплавляются в его основы, в несущие конструкции Сети.

– Когда будем на месте? – спросила Шанти, вновь поворачиваясь к лобовому окну.

– Минут через тридцать.

– Не заблудимся?

– Идём на маяк.

– Хорошо.

Эта область «Ватна» называлась «Спагетти» и была наполнена скалами необычно ярко-белого цвета, с лёгкими вкраплениями серого. Издалека скалы казались тонкими – от того и получили название, однако диаметр каждой вертикальной каменной «макаронины» был не менее ста метров, а их основания

скрывались в бездне. Скал – как и положено спагетти – было множество, затеряться среди них было легче лёгкого и ориентировались в «Спагетти» по маякам, рассказывающим, какое заведение расположено в той или иной скале. А заведений здесь было изрядно: юго-западная часть «Спагетти» представляла собой настоящий подводный город, в котором гости Метавселенной могли отдохнуть, развлечься или просто почувствовать под ногами твёрдую поверхность. Поэтому между скал то и дело сновали скутеры, в том числе – большие, пассажирские, подводный мир освещался разноцветными прожекторами, а вот фауна отсутствовала – обитатели глубин наведённую людьми суету не жаловали. В этой части «Спагетти» были весьма оживлёнными, однако маяк, на который автопилот вёл скутер, находился к северу, в необжитой зоне скал, в большом подводном безмолвии – так иногда называли «Ватн», и чем дальше скутер уходил от города, тем реже встречались другие суда, и в какой-то момент девушки вновь остались абсолютно одни.

Один на один с гигантской подводной Вселенной.

– Говорят, что в детстве единственным развлечением владельца «Ватна» был аквариум, – произнесла Шанти, наблюдая за гигантской глубоководной акулой, медленно проплывающей на фоне белой скалы. – Говорят, он часами сидел возле него, наблюдая за рыбами и мечтая оказаться среди них.

– Может, у него действительно был аквариум, – почти равнодушно ответила Марлоу. – Не знаю точно, однако вероятность существует. Но тот аквариум скорее всего превосходил размером пятиэтажный дом и чтобы оказаться среди рыб, ему достаточно было в него нырнуть.

Шанти покосилась на спутницу, поняла, что продолжать Марлоу не намерена, вздохнула и спросила:

– То есть, легенда про аквариум – это всего лишь легенда?

– Я ведь сказала, что не уверена. – Марлоу была нейросетью, но не простой, а личной помощницей лорда Гамильтона, одного из владельцев планеты, члена Сообщества по праву крови, с пелёнок привыкшего к своему превосходству над окружающими. Лорд погиб, Шанти взломала и перепрограммировала Марлоу и таким образом получила доступ к информации, о которой раньше не подозревала.

– А что ты знаешь точно?

– Метавселенная «Ватн» принадлежит одной из австралийских семей Сообщества. Они обожают море, и нынешний глава семьи в буквальном смысле вырос на Большом Барьерном рифе. Детские впечатления помогли ему придумать

«Ватн».

Очередная красивая сказка о том, как мальчик из бедной семьи много работал, стал миллиардером и исполнил детские мечты, обратилась в пыль.

– В реальности не осталось людей, которые сделали себя сами? – тихо спросила Шанти.

– В реальности – не осталось, – подтвердила Марлоу. – Только в Сети.

* * *

– Это они? – спросила леди Дикла, прищурившись на монитор, по которому путешествовала обозначающая скутер метка.

– Так точно, миледи, – подтвердил сидящий перед мониторами оператор. – В этом нет никаких сомнений – я веду их от самого входа в «Ватн».

– Они знают, что за ними следят?

– Никак нет, миледи. Ваш личный федеральный ключ обеспечивает наивысший приоритет входа в Сеть, обычные пользователи не способны обнаружить нашу активность.

– Понятно.

Дикла перевела взгляд на мужа, тот кивнул и осведомился:

– При входе в Сеть они использовали ключ высокого уровня?

– Нет, милорд. Я не вижу следов применения приоритетных подключений, кроме нашего.

– Получается, она нам поверила? – удивлённо протянула леди Ди.

– А что ей оставалось? – самодовольно отозвался лорд Анакин. – Мерзавка знает, что Сеть – наша собственность и мы отыщем её, как бы она ни пряталась. А без Сети ливерам не жить. Вот и решила явиться сразу.

– Думаешь, рассчитывает договориться?

– Это её единственный шанс на спасение.

– Пожалуй. – Леди Ди вновь уставилась на монитор и в её взгляде сверкнула лютая злоба, которую женщина не считала нужным скрывать. – Оператор, они общаются между собой?

– Да, миледи.

– Транслируй разговор мне и лорду Анакину.

– Слушаюсь.

– А как только вычислишь местонахождение физического тела этих мерзавок – сразу отправляй спецназ, – напомнил лорд Анакин. – Я не хочу задерживаться в Метавселенной дольше

необходимого.

– Да, милорд. Когда вам будет угодно отправиться в Сеть?

– Сейчас и отправимся, – ответила леди Ди.

Она улыбнулась и шагнула к одному из двух мета-кресел, безумно дорогих игрушек для путешествия по Метавселенным. Можно было обойтись и без них – технологии позволяли, но мета-кресло подключалось к вживлённой под кожу «паутине»[2] и обеспечивало идеальную передачу абсолютно всех ощущений, которые пользователь получал в Сети.

– Прямо в дом? – неожиданно спросил лорд.

– Да.

Анакин скривился, что заставило Диклу задержаться у кресла и вопросительно поднять брови:

– Что-то не так?

– Ты же знаешь, что я не люблю «Инферно», – поморщился лорд.

– «Инферно» всех раздражает, дорогой, но давай потерпим: Гамильтону понравится, что мы прикончим убившую нашего сына тварь в его любимом доме.

* * *

– Как думаешь, они уже здесь? – спросила Шанти, не отрывая взгляд от приближающейся скалы.

– Полагаю, да, – спокойно ответила Марлоу. – Волнуешься?

– Хочу поскорее добраться до «Инферно», поговорить и свалить отсюда, – ответила Шанти.

– Волнуешься? – повторила Марлоу. Не ехидно, не насмешливо, просто уточнила, искренне пытаясь понять, что за чувства владеют спутницей. Или пытаясь понять, что это вообще такое – чувства?

В ответ Шанти покачала головой:

– Мне не нравится в «Ватне», зря мы согласились встретиться именно здесь.

– Что тебя беспокоит? – тут же поинтересовалась нейросеть.

– Я читала, что в «Ватне» отсутствует поверхность.

– Отсутствует, – подтвердила Марлоу. – Эта Метавселенная состоит исключительно из воды. Где-то – мелководье, максимальная глубина которого не превышает тридцати метров, где-то – колоссальные провалы, чуть ли не до центра планеты.

– Откуда же здесь воздух?

– Мы находимся в Метавселенной, – мягко напомнила Марлоу.

– Создатели которой гордятся тем, что соблюдают почти все физические законы, – улыбнулась в ответ Шанти.

– Не все, – произнесла нейросеть. – Как ты понимаешь, говорить о содержании кислорода в водах «Ватна» бессмысленно, а что касается наших «оболочек[3]», которым якобы нужен воздух, то здесь его приходится покупать на Станциях.

– Дополнительный заработок для владельцев Метавселенной?

– Совершенно верно. И дополнительный штрих, показывающий, что здесь всё «по-настоящему».

Шанти кивнула и осторожно прикоснулась пальцами к толстому и холодному стеклу лобового иллюминатора.

– А что будет, если воздух закончится?

– Наступит удушье.

– И как долго оно будет длится?

– До смерти.

Шанти испуганно посмотрела на Марлоу:

– Ты шутишь?

– Нет. Если сломается переборка, нас с тобой, точнее, наши «оболочки» расплющит тоннами воды. Но ты настоящая успеешь почувствовать, не в полной мере, конечно, но успеем понять, каково это – смерть на глубине. Если же закончится воздух, ты умрёшь…

– Не я, – выдохнула Шанти. – Не я и не мы, а наши «оболочки».

– Но мы успеем испытать некоторые детали смерти от удушья, – продолжила нейросеть. – И никогда не сможем вернуться в «Ватн».

– Почему?

– Таковы правила.

– Чушь, – буркнула Шанти.

– А я считаю, что разработчики – молодцы, – не согласилась Марлоу. – «Ватн» – авторская Метавселенная уровня ААА, с абсолютной степенью симуляции заложенной в её основу реальности. И владельцы Метавселенной имеют право устанавливать любые ограничения.

– Разве это законно?

– Это условие пребывания в «Ватне».

– Законы теперь таковы?

– В прошлом году Сенат принял поправки к Всемирному акту о Метавселенных. Так что да, теперь законы такие: владельцы Метавселенных имеют право устанавливать правила пребывания в них, причём – любые правила. Они обязательно доводятся до сведения прибывающих.

– Надо будет почитать законы, – вздохнула Шанти.

– У тебя есть я.

– Спасибо. Но видишь, иногда получается так, что я узнаю о действующих правилах уже оказавшись в Метавселенной.

– Ты была невнимательна на пограничном инструктаже.

Шанти махнула рукой, то ли показав, что согласна с Марлоу, то ли намекая, что тема себя исчерпала, и спросила:

– О чём я ещё должна знать?

– О том, что мы приплыли, – коротко рассмеялась Марлоу.

За время разговора, скутер подобрался к нужной скале, и стал плавно обходить её по часовой стрелке до тех пор, пока не наткнулся на вырезанную в плотном камне пещеру, вход в которую закрывало прозрачное силовое поле. В реальности подобной технологии ещё не существовало, однако создатели «Ватна» решили, что в их Метавселенной она будет уместна. Гостей ждали – едва маленькое судно подошло к пещере, как внешнее силовое поле исчезло, позволив скутеру войти в шлюз, затем автоматика уравняла давление, а вода ушла, оставшись лишь в бассейне, предназначенном для заходящих судов. После этого исчезло внутреннее защитное поле, девушки выбрались из скутера и оказались в огромной, во всю площадь скалы и высокой – до вершины свода было не меньше сотни метров, пещере, в центре которой стоял старый особняк.

Точнее – небольшое шато.

Обширный, с двумя крыльями, двухэтажный дом, с высокой мансардной крышей, придающей ему массивности, он выглядел заброшенным, но не погибшим – крепость и благородство строения не позволяли ему превратиться в убогую развалину. Бордовая крыша где-то потеряла цвет, а где-то провалилась; кое-где осыпалась штукатурка; рухнули ставни; потемнели стёкла; круглый фонтан перед полуразрушенным парадным крыльцом не действовал, а ведущая к нему дорожка заросла травой. Маленький замок выглядел иллюстрацией к страшной сказке, и название носил соответствующее.

«Инферно».

– Как думаешь, они здесь?

– Разумеется, – ответила Марлоу.

– Но в шлюзе не было других скутеров, кроме нашего.

– Ты всё время забываешь, что «Инферно» – мультихаб[4]. С федеральным ключом можно обойти официальные ворота в Метавселенную и сразу оказаться в нужной точке цифрового пространства.

– Да, забываю. – Шанти ещё раз посмотрела на дом и вздохнула: – Тогда пойдём.

* * *

– Две блондинки? – изумилась леди Ди, разглядывая идущих к особняку девушек.

– Ты удивлена? – хмыкнул Анакин.

– Гамильтону никогда не нравились блондинки.

– Ну, во-первых, это не блондинки, а блондинистые «оболочки», – рассудительно заметил лорд Анакин. – И мы пока не знаем, как выглядят эти женщины в реальности. Во-вторых…

– Какой же ты зануда, – хмыкнула леди Ди. – И как же хорошо, что я тебя бросила.

– Мы расстались по обоюдному согласию, – напомнил Анакин. – И расстались неофициально. Официально мы до сих пор муж и жена.

– Я ведь говорю – зануда. – Леди провела рукой по щеке Анакина. – Кстати, ты видел чёрную кошку, которая перебежала нам дорогу, когда мы шли по коридору?

– Не обратил внимания. А что?

– Мне казалось, что Гамильтон не любил кошек, – задумчиво произнесла леди Ди. – Ты напомнил, что он не любил блондинок, и я вспомнила о кошках. Странно, что он поселил в доме одну из них. Тем более – чёрную.

– А что не так с чёрными кошками? – осведомился лорд.

– Они не к добру, – ответила Дикла и обратилась к оператору: – Ты вычислил точку входа в Сеть этих девиц? Знаешь, где лежат их физические тела?

– Да, миледи.

– И где же? – не удержался от вопроса Анакин.

– В Нью-Йорке, милорд.

– У нас под носом.

Леди Ди пожала плечами и продолжила:

– Начали операцию?

– Да, миледи.

– Пусть спецназовцы сообщат, как окажутся на месте – я хочу лично сказать этой мерзавке, что игра закончилась и сейчас она сдохнет.

– Как будет угодно миледи.

Оператор вздохнул и перевёл взгляд на другой монитор, тот, на котором отображалась информация о вылетевшей группе захвата. Лететь им предстояло недолго – агломерация Нью-Йорк славилась развитыми системами безопасности и самым мощным на планете Департаментом социального согласия. В каждом боро располагалось не менее четырёх баз групп специального назначения, натренированных на подавление бунтов и захват

преступников. Спецназовцы оказались в вертолёте через пять с половиной минут после получения приказа, а пока они собирались, ближайшие дроны Соцсогласия окружили дом и были готовы атаковать преступников, если те соберутся бежать.

* * *

Внутреннее убранство «Инферно» полностью соответствовало внешнему виду: старое, заброшенное, но не запущенное. Некоторые стены пошли трещинами, но можно было не сомневаться, что они способны простоять до Второго пришествия; картины потемнели, но сюжеты читались без труда; на перилах и мебели виднелся характерный налёт, однако Шанти знала, что это иллюзия – в доме не было ни пылинки. В том доме, в настоящем «Инферно», который стоял в живописном уголке старой Европы, даже в нём не было пыли. И откуда же ей взяться в цифровых копиях замка?

Внутреннее убранство «Инферно» девушку не удивило, так же, как и появление невысокого смуглого слуги в бордовой, с тёмным золотом, ливрее, который проводил гостий в библиотеку, где их ожидали лорд Анакин и леди Дикла – их «оболочки» в точности копировали внешний вид хозяев, ничего не добавляя, и ничего не скрывая. Впрочем, ни добавлять, ни скрывать не требовалось: над появлением на свет Анакина и Диклы трудились не только их родители, но и лучшие специалисты в области генной инженерии, сумевшие создать образцы, близкие к Совершенству – очень красивых и очень крепких людей, которым предстояло прожить не менее ста пятидесяти лет, оставаясь молодыми и здоровыми. И даже «оболочки» на их фоне выглядели блёкло.

– Никогда не понимала тяги Гамильтона к подобным местам, – произнесла леди Ди, оглядывая якобы пыльные книжные полки. И стоящие на них тома в кожаных переплётах. Старые тома, очень редкие, часто – уникальные. Библиотека «Инферно» вызывала у знатоков восхищение и даже её цифровая копия поражала воображение.

– Получилось стильно, – проворчал Анакин.

– Стильно, но отвратительно.

– На твой вкус.

– Можешь не уточнять.

– Извини.

– Кстати, всё время забываю спросить: ты не думал над произведением ещё одного Гамильтона?

– Прошлого не хватило?

– Кто-то должен унаследовать наши состояния.

– Я подумаю, – неохотно пообещал Анакин. – Но особого желания вновь проходить через всё это у меня нет.

– И через что, интересно, ты прошёл?

– Через известие о том, что мы заделали неспособного к размножению генетического урода.

Ответить леди Ди не успела: дверь распахнулась и в библиотеку вошли две высокие белокурые девушки в достаточно фривольных нарядах. Улыбчивые, длинноногие, фигуристые, только у одной глаза были голубыми, а у второй – зелёными. На несколько мгновений в библиотеке воцарилась тишина, а затем лорд Анакин изумлённо произнёс:

– Мисс Марлоу?

Голубоглазая блондинка улыбнулась и кокетливо произнесла:

– Не думала, что вы меня узнаете, милорд.

– Ты сильно изменилась.

– Надеюсь, в лучшую сторону?

– На мой взгляд – в худшую, но если этот образ соответствует твоему нынешнему внутреннему состоянию, то почему бы тебе его не принять?

– Благодарю, милорд.

– Для чего ты решила сопровождать это подозрительное создание? – подала голос леди Ди, высокомерно разглядывая Шанти.

– Чтобы вам было проще отыскать нас, миледи, – с поклоном ответила Марлоу.

– Приятно слышать, что в тебе осталось хоть что-то от той мисс Марлоу, которую мы знали много лет… Тебя взломали?

Вопрос прозвучал резко, как выстрел.

– Да, миледи, – не стала скрывать Марлоу.

– Это поправимо.

– Буду счастлива вернуться в семью, – вздохнула Марлоу.

– И к прежнему облику, надеюсь. Твой нынешний вид чудовищен.

– Как будет угодно миледи.

И если исключить взгляд, который Дикла бросила на Шанти при появлении девушек, то за всё время разговора лорд и леди подчёркнуто игнорировали главную гостью, полностью сосредоточившись на Марлоу. И лишь теперь лорд Анакин снизошёл до разговора с простолюдинкой.

– Это ты?

– Смотря что вы имеете в виду, милорд.

Опускаться до объяснений Анакин не стал.

– Ты знаешь, кто мы? – поинтересовалась леди Ди.

– Иначе бы не приехала, – спокойно ответила Шанти. – От вас мне не скрыться.

– Можно было попробовать, – небрежно заметил Анакин. – У тебя есть федеральный ключ нашего сына, с помощью которого ты могла бегать от нас довольно долго. Но не убежала бы, потому что мы знаем след, который оставляет ключ.

– Я явилась по первому зову, – едва слышно напомнила Шанти. Она явно смутилась и растерялась.

– Мы хотим знать, что случилось в «Инферно», – жёстко произнесла Дикла.

– Вряд ли я смогу помочь. – Шанти развела руками. – Для меня это загадка.

– Разве не ты взломала защитную систему особняка?

– Нет.

– Мисс Марлоу?

– У вас есть полный доступ к моей памяти, миледи.

– Я уже смотрю, – сказал жене Анакин. – И есть ощущение, что наша маленькая девочка говорит правду.

– Маленькие девочки редко говорят правду.

– Тебе виднее.

– Именно. – Дикла вновь посмотрела на Шанти. – Я понимаю, что взлом защитных систем особняка моего сына тебе не по зубам. Но возникает вопрос: кто это сделал? А главное – зачем? Гамильтон был стерилен, поэтому для наших врагов в его убийстве не было никакого смысла. – Дикла выделила слово «наших». – А только они – наши враги – смогли бы взломать «Инферно». Племя, на которое официально свалили убийство моего сына, не способно отличить материнскую плату от видеокарты, им выпало стать исполнителями, но не организаторами… Мисс Марлоу!

– Миледи?

– Что ты знаешь о своей памяти?

– Она у меня есть, миледи, и милорд только что её исследовал.

– В твою память вносили изменения?

Мисс Марлоу замолчала.

– В том-то и дело, – с притворной грустью вздохнула леди Ди. – Ты этого не знаешь, мисс Марлоу, потому что для внесения изменений в твою память использовался федеральный ключ моего сына. Ты при всём желании не могла ничего запомнить, мисс Марлоу, тебе запретили запоминать. Но наша маленькая дрянь не знала, что федеральный ключ оставляет след…

– След есть, – громко произнёс лорд Анакин. – И этот след

подтверждает, что в память мисс Марлоу внесены неизвестные изменения.

– Из чего можно сделать вывод, что ты, мерзавка, причастна к смерти нашего сына.

Марлоу застыла, глядя прямо перед собой, а лорд Анакин и леди Ди в упор уставились на Шанти.

– Ты убила Гамильтона!

– Он говорил, что вы не испытываете к нему никаких чувств! – воскликнула девушка.

И восклицание стало признанием вины.

– Абсолютно никаких, – подтвердила леди Ди. – Но расплатиться за его убийство мы обязаны.

– Это семейное дело, которое мы не можем не уладить, – рассмеялся Анакин. – Всякий, кто поднимет руку на члена Сообщества, подвергнется лютым пыткам.

– Ты напрасно согласилась на встречу с нами.

– Рассчитывала нас обмануть?

Несколько мгновений Шанти растеряно молчала, переводя взгляд с Диклы на Анакина, и обратно, после чего дрожащим голосом произнесла:

– Сейчас сниму AV-очки и навсегда исчезну из Сети. Спрячусь так, что вы не сможете меня найти.

– Наши люди у дверей твоей квартиры, дура, – сообщила Дикла. – Мы засекли точку входа.

– Пришло время платить, – выдохнул Анакин, жадно разглядывая испуганное лицо Шанти. – Тебе понравятся мучения, которые мы с Диклой для тебя…

И в этот момент раздался невообразимо громкий скрежет.

* * *

Грохот.

Операция шла гладко, как по учебнику, поэтому всё началось с грохота взрыва: к двери квартиры подлетели три дрона-«прилипалы», камикадзе со взрывчаткой, «прилипли» у замка и петель, и одновременно взорвались, освобождая проход группе захвата. Громыхнуло на несколько этажей, да и тряхнуло неслабо – чтобы не рисковать при захвате опаснейшей террористки, спецназовцы направили на металлическую преграду мощные дроны, способные подорвать автомобиль, поэтому дверь не просто выбило – она пролетела через всю комнату и врезалась в окно. К счастью, строители небоскрёба не сильно воровали при его возведении, использовали, как было предусмотрено

в проекте, пакеты с толстыми стёклами, и только поэтому окно выдержало удар и не спланировало на далёкую мостовую вместе с дверью. Малюсенькую квартиру-капсулу заволокло дымом и пылью, в облака которых бесстрашно влетели дроны: два разведчика и два ударных, среднеразмерных, специально разработанных для тесных помещений. Поскольку террористку приказали взять живой, дроны с летальным оружием остались у пролома, в который превратился дверной проём, а другие зависли напротив чудом уцелевшего окна. Один из ударных дронов подлетел к мета-креслу и врезал по расположившейся в нём женщине парализующим разрядом, а второй накинул на неё липкую сеть. Разведчики доложили, что других живых существ в квартире не наблюдается и только после этого сообщения внутрь вошли три спецназовца.

– Видим подозреваемую.

– Подозреваемая обездвижена.

– Подтверждаю захват.

– Вы должны доставить подозреваемую в особняк лорда Анакина, – напомнил оператор. – И ждать дальнейших распоряжений.

Спрашивать, жива ли террористка не имело смысла – на монитор в режиме реального времени уже поступала телеметрия от разведчика.

– Будем через полчаса.

– Отлично!

И в это мгновение пришло срочное сообщение от контролёра Четвёртого департамента.

– Группа захвата зашла по ложной линии.

Это было настолько неожиданно, что в первое мгновение оператор растерялся:

– Что?

– Нас обманули, настоящая точка входа в Сеть не здесь.

– Как это возможно?

– Высокий доступ.

– Но нет следов использования федерального ключа.

– Я говорю то, что вижу, – ответил контролёр. – Вы можете забрать девчонку, но с вероятностью девяносто девять процентов она не та, кто нам нужен.

– Мы её забираем? – уточнил командир спецназовцев.

– Забираем, – решительно ответил оператор.

И только в следующий миг сообразил, что вот уже несколько минут он единолично руководит операцией, не получив ни одного распоряжения от лорда или леди. Охваченный ужасным предчувствием, оператор резко обернулся к мета-

креслам и задрожал.

– Я…

– Что случилось? – поинтересовался контролёр.

– У нас проблема? – поинтересовался спецназовец.

– У нас больше, чем проблема, – прошептал оператор, растеряно глядя на обмякших в креслах людей. – У наших биггеров[5] остановка сердца.

– У обоих?

– Да.

– Вызывай врачей!

– Уже! – Кнопка экстренного вызова заморгала красным и одновременно сигнал опасности подали мета-кресла… но поздно, слишком поздно. Оператор подбежал к лорду и попытался нащупать пульс. – Они не дышат! Их сердца не бьются! Их можно спасти?

Нет, поздно, слишком поздно…

* * *

Иногда всё вокруг кажется ненастоящим…

Таким естественным, очевидным, абсолютно правильным, таким, каким должно быть и потому – совершенно невозможным.

Ненастоящим…

Бескрайним настолько, насколько может быть лишь Бесконечность…

Чёрным такой глубины, что в нём растворяется само понятие невозможного…

И россыпь звёзд – от пронзительно ярких, до едва заметных; от больших, напоминающих облака скоплений, до одиноких красавиц, сразу бросающихся в глаза.

И во всей этой красоте – ни одного бита информации, ни одного нуля, ни одной единицы. Только то, что естественно. Настоящее и настолько красивое, что кажется ненастоящим.

Шанти лежала под ночным алтайским небом и улыбалась, ощущая себя в нём, блаженно парящей среди комет и созвездий, наслаждаясь лунным светом и благоуханием трав, которое неведомым образом стало частью неба. Шанти лежала и не верила, что она в реальности. И понимала, что в это не нужно верить – это нужно ощущать всем собой, ощущать невероятную красоту, возможную только в реальности, впитывать её и чувствовать себя частью этой красоты. Частью мира.

Чувствовать себя человеком.

А не ливером.

И совершенно не чувствовать времени.

И потому, возможно, действительно находиться за пределами реальности, но не в современном, цифровом понимании. А мистическим образом вырваться из подлинной реальности, когда сочетание внутреннего покоя и величественного окружения, порождает ощущение пребывания за пределами обыденности, со всеми её проблемами и заботами.

Видеть всё вокруг, не открывая глаз.

Чувствовать мир, оставаясь в полной неподвижности.

Быть частью великого.

И настоящего.

Быть в настоящем и за его пределами.

Одновременно.

Шанти открыла глаза и улыбнулась. Приближался рассвет и звёзды неспешно кутались в него, позёвывая, забирались под одеяло дня, в ожидании следующей ночи – глубокой чёрной, истинно алтайской, настоящей. Шанти не знала, спала она или нет, а если спала, то сколько; а если нет, то почему чувствует себя настолько хорошо и свежо? Шанти выпрыгнула из истинной нереальности, которая возможна исключительно в реальности, но мысленно всё ещё пребывала в ней, переживая счастливую мягкость полёта под алтайскими звёздами на ароматных облаках благоухания трав.

– Невероятно…

Девушка спустилась с крыши вездехода, которую выбрала местом сегодняшнего ночлега, умылась в ручье, набрала воды, поставила вариться кофе и только после этого надела AV-очки. И сразу же увидела Марлоу – нейросеть сидела в пассажирском кресле, положив длинные ноги на приборную панель, и с улыбкой разглядывала Шанти.

– Привет.

– Привет.

– Долго сегодня спала.

– Ещё даже не рассвело.

– Ты уснула сразу после операции, – мягко напомнила Марлоу. – Просто выключилась.

– Пришлось потратить много сил.

– И нервов.

– И нервов.

Кофеварка издала мелодичный перезвон, Шанти забрала кружку, вышла из вездехода и сделала глоток, с наслаждением щурясь на горы.

– Как же здесь красиво.

– И спокойно.

– И спокойно.

– Спасибо, что посоветовала отправиться в путешествие.

– Я рада, что тебе понравилось.

– Здесь не может не нравиться, – с мягкой грустью ответила Шанти. – Здесь слишком хорошо.

И сделала следующий глоток кофе, думая о том, что с одной стороны жесточайшие протоколы Экологического Ренессанса позволили очистить планету от большей части мусора и вернуть территории к естественному облику; с другой, подавляющее большинство жителей Земли увидит красоту родной планеты лишь в Метавселенной. Но разве можно сравнить ощущения, полученные в Сети, с восхитительной реальностью настоящей природы?

Ещё один глоток и лёгкое прикосновение к борту вездехода, который придётся сдать через два дня – путешествие заканчивалось.

– Надеюсь, не последнее путешествие, – прошептала девушка. – Земля слишком прекрасна, чтобы смотреть на неё через AV-очки…

Шанти выросла в агломерации Швабург, тоже в горах, но рукотворных, из бетона, стали и стекла. Выросла в одном из жилых секторов – группы небоскрёбов для нескольких сотен тысяч ливеров, и должна была стать ливером, но очевидный талант помог девушке вырваться из уготовленной обыденности, окончить настоящую, а не онлайн, школу, получить серьёзное образование и стать контролёром Четвёртого департамента – ведущим специалистом сектора, отвечающим за работу Сети. Возможно, её ожидала блестящая карьера, возможно, к концу жизни девушка должна была стать ведущим контролёром агломерации, но именно через сектор Шанти знаменитый террорист Кандинский атаковал Швабург, вписав ещё одну кровавую страницу в книгу своих злодеяний. А чудом выжившая Шанти рассталась с государственной службой и ушла на вольные хлеба. «Вольные хлеба» сначала были абсолютно законные, потом «немного незаконные», теперь же Шанти оказалась абсолютно вне закона, и выжить ей помогали только талант и накопленные ресурсы. Причём выжить – в буквальном смысле слова, и родители лорда Гамильтона были не единственными, кто желал девушке смерти, они просто стояли ближе всех и поспешили с местью, забыв, что в холодном виде это блюдо вкуснее. И безопаснее.

– Всё прошло так, как ты хотела? – ровным голосом поинтересовалась Марлоу.

– Я не хотела, – в тон ей ответила Шанти. – Так было нужно.

– Или мы их, или они нас.

– Да, Марлоу, именно так.

Это могло случиться только в «Ватне» – уникальном пространстве с уникальной физикой, которую можно было подправить извне, изменив пару алгоритмов. Доступ к структурным кодам любой Метавселенной закрыт на тысячу замков, ведь они – основа основ, но для федеральных ключей замков не существует: Шанти вошла в святая святых «Ватна», внесла необходимые изменения, и в нужный момент времени в подводной Метавселенной возник необъяснимый, «абсолютно случайный» сбой, который начисто стёр силовые поля, хранящие «Инферно» от океана.

– Хочешь посмотреть запись того, что было? – спросила Марлоу.

– Да, – поколебавшись, ответила Шанти. – Покажи.

И вздрогнула, увидев, как поток воды хлынул в пещеру. Мгновенно. Без предупреждения. Аварийная сигнализация не сработала, но толку в ней не было – счёт шёл на мгновения. А может, толк в ней был огромный – ведь счёт шёл на мгновения. Как бы там ни было, вода хлынула и через секунду достигла шато. За пещерой наблюдало не менее десятка видеокамер, времени для работы у Марлоу было много – вся ночь, пока девушка спала – поэтому Шанти смотрела не набор разрозненных записей, а смонтированный ролик.

О том, как поток воды сметает «Инферно», в котором вели напряжённый разговор три «оболочки» и нейросеть. О том, как цифровые стены валятся под давлением цифровой воды, как лопаются стёкла и разлетается крыша. О том, что происходит с находившимися внутри «оболочками». Ролик производил сильное впечатление, однако запечатлённые в нём события развивались в Метавселенной, а значит, никто из находящихся в «Инферно» не должен был погибнуть. Даже несмотря на то, что разработчики «Ватна» сознательно замедлили экстренный выход из виртуальности – чтобы пользователь успел получить сопровождающие смерть ощущения – Шанти, Анакин и Дикла должны были оказаться в реальности живыми и невредимыми. Однако получилось только у Шанти, которая выскользнула из Метавселенной за секунду до того, как в шато ворвалась вода. Дикла и Анакин замешкались – благодаря изменённому алгоритму, а их «паутины» начали в полной мере реагировать на внешнее воздействие – благодаря проникшему в них боту, что и привело к остановке сердец.

В реальности.

– Ты всё-таки использовала технологию Гамильтона, – тихо

сказала Марлоу.

Технологию, которую девушка боялась и не хотела выпускать в Сеть. Технологию, которая позволяла убить человека, воздействуя на «паутину» через «оболочку». Убить в реальности, нанеся удар из Сети.

– Мы обе знаем, что я просто успела первой, – медленно ответила Шанти. – Они не собирались договариваться.

– Они были уверены в своём превосходстве.

– Мир снова вступает в эпоху, когда никто не может быть до конца уверен в своём превосходстве.

– Ты весьма амбициозна.

– Нет. Ведь пока я планирую ограничиться Сетью, – рассмеялась Шанти.

– Действительно, скромно, – согласилась Марлоу. Но следующую фразу произнесла очень серьёзным тоном: – Мы не хотели выпускать технологию в Сеть.

– И я собираюсь придерживаться этого плана, – твёрдо ответила девушка. – Но иногда без неё не обойтись.

– Будем её использовать – нас вычислят.

– Посмотрим. – Шанти помолчала. – В конце концов, наш новый федеральный ключ никто не вычислил.

Уникальный пароль, дающий абсолютный доступ к Сети, который Шанти сделала на основе личного ключа лорда Гамильтона. Отличие от оригинала было одним, но очень важным: законы Сообщества требовали, чтобы личные ключи в обязательном порядке оставляли цифровые следы – контролёры должны точно знать, кто внёс в Сеть те или иные изменения. Личный же ключ Шанти следов не оставлял. Точнее, оставлял – в Сети всё оставляет следы – но поскольку этот след никто не знал, он легко растворялся среди миллиардов других.

Обыкновенных… безобидных… безопасных для Системы… следов.

Шанти вновь огляделась и вздохнула:

– Жаль, что через два дня наше путешествие закончится.

– Путешествие на Алтай, – уточнила Марлоу.

– Ты стала суеверной?

– С тобой, пожалуй, станешь.

Они рассмеялись, после чего Шанти уточнила:

– Путешествие на Алтай закончится. А наше с тобой путешествие продолжится.

– Идём за Марсианином?

– Да, Марлоу, идём за Марсианином.

– Уверена, что готова?

– Да. – Шанти поджала губы. – Да, я в себе уверена.

* * *

Море.

Концепция современных агломераций предполагает, что основной поток ресурсов поступает в них из ближайших областей: базовые смеси для производства еды, одежда, обувь, электроника, строительные материалы и прочие необходимые для жизни предметы должны изготавливаться как можно ближе к агломерации, в том числе – перерабатывая отходы агломерации и вновь пуская их в дело под видом синтетики или еды. Такие правила диктовали протоколы разумного потребления и они полностью согласовывались с протоколами Экологического Ренессанса, требующими ограничивать зоны интенсивного хозяйствования. Но как ни старались проектировщики агломераций, полностью избавиться от межконтинентальной торговли они не смогли. Переделать причудливую структуру мировой промышленности, сложившуюся в эпоху ранней глобализации, оказалось слишком дорого и бессмысленно, и потому между агломерациями проложили линии скоростных поездов, океаны и моря продолжали бороздить гигантские контейнеровозы, а самые крупные человеческие поселения располагались на берегах морей и океанов, и их порты работали круглосуточно, ни на секунду не останавливая мировой грузопоток. Обеспечивая движение товаров, а значит, денег.

По мере разрастания агломераций, требования к портам усложнялись, их постоянно увеличивали, добавляя всё новые и новые терминалы, и модернизировали, превращая в высокотехнологичные и абсолютно прозрачные для сил правопорядка территории, в которых само понятие «контрабанда» перестало существовать. Точнее, почти перестало существовать: контрабанда не исчезла полностью, но чтобы провезти через морские ворота агломерации незадекларированный груз, нужно было договариваться не с преступной группировкой, а с отличным хакером, способным влезть в систему порта и сделать так, чтобы бесчисленные камеры, датчики и детекторы потеряли к твоему контейнеру интерес. Таких специалистов было не очень много, их услуги стоили дорого, поэтому контрабанда хоть и оставалась в списке возможных преступлений, считалась в нём редкой экзотикой.

Порты превратились в управляемых мощнейшими нейросетями гигантов, и везде переместились на окраины, подальше от центральных набережных, на которых стояли дома с заоблачным уровнем цен за квадратный дюйм – если речь шла об исторических зданиях, то заоблачная цена удваивалась.

Центральные набережные агломераций, как и все центральные районы, которые обыкновенно называли Сити, поражали изящной продуманностью решений и благородной красотой. Прекрасные дома окружали сады и парки, на площадях стояли театры и музеи, библиотеки и концертные залы, а музыканты лучших оркестров иногда играли прямо на улицах и площадях, в парках и на набережных – не в рамках фестивалей, а услаждая слух биггеров. В Сити или неподалёку располагались марины[6], а на самих центральных набережных всегда было много людей – живых людей, а не «оболочек», поскольку обитатели Сити любили насладиться красотой своего города. Насладиться без AV-очков, потому что обитатели Сити ценят настоящее, ценят красоту. Они не любят вид заводов, электростанций или грузовиков, они смотрят в другую сторону, и потому обитатели Сити не видели заходящий в порт Сан-Франциско гигантский контейнеровоз – один из монстров-тридцатитысячников, созданных для межконтинентальных перевозок. А если бы и видели, то не обратили внимания – контейнеровозы в агломерациях частые гости. И тридцатитысячники не исключение. Размер таких судов давно, ещё после того, как их предельная нагрузка перевалила за десять тысяч контейнеров, перестал вызывать удивление, как в своё время перестали изумлять публику многотонные танкеры или круизные лайнеры, превосходящие иной город. Но ведь размер имеет значение, не так ли? Океан настолько велик, что люди кажутся песчинками на его берегах, но эти песчинки с амбициями, считают, что Океан ими покорён, потому строят корабли и суда, достойные его безбрежности.

Глядя на потуги песчинок, Океан усмехается…

Что же касается контейнеровоза «SuperANT-4», то он зашёл в порт в первом часу ночи – с небольшим опозданием, вызванным поднявшимся штормом, – дождался своей очереди и встал под разгрузку, в которой была одна странность: все снимаемые с судна контейнеры немедленно перемещались на грузовики и покидали территорию порта. Абсолютно все. Возможно, если бы за разгрузкой наблюдал человек, и уж тем более – опытный человек, его бы заинтересовала эта странность, но нейросеть не увидела в происходящем ничего необычного: груз ждали и сразу забирают, не загромождая портовые площади – что может быть лучше? Тягачи разъезжались по секторам агломерации, оставляли контейнеры в их бетонных лабиринтах и возвращались за новым грузом. Работы продолжались несколько часов и помимо портовых служб, в них были задействованы сто пятьдесят беспилотных тягачей, арендованных подставной компанией-перевозчиком. Каждый тягач брал по два контейнера,

некоторые успели сделать больше трёх рейсов, и потому к утру в секторах агломерации Сан-Франциско оказалось больше тысячи контейнеров с «SuperANT-4». Могло бы и больше, но замысел того не требовал.

В семь утра последний тягач выехал за ворота порта и контейнеры начали сгружать на берег, но опять же – со странностями: все они в обязательном порядке оказывались на верхних уровнях площадок, даже если для этого приходилось переставлять уже стоящие там контейнеры с других судов. Приказ на столь странную разгрузку сам собой сформировался в глубинах портовой сети, и управляющая нейросеть не нашла в нём ничего необычного. Не задумалась над тем, для чего контейнерам с «SuperANT-4» так важно оказаться на верхних уровнях? О чём задумался бы опытный человек. Не обязательно, но, возможно, задумался бы и, возможно, успел вовремя ответить на вопрос и предотвратить катастрофу. Или, хотя бы, уменьшить масштаб бедствия.

Но человека не нашлось, а нейросеть не увидела в происходящем ничего странного и потому ответ на вопрос: для чего контейнерам с «SuperANT-4» так важно оказаться на верхних уровнях, был дан в половине девятого утра, когда предотвращать что-либо было уже слишком поздно.

Контейнеры распахнулись. Все. И те, которые успели развезти по жилым секторам, и те, которые находились на тягачах, в порту и на верхних рядах самого судна. Как оказалось, контейнеры с «SuperANT-4» открывались не только через стандартные ворота, но и умели распадаться, отбрасывая в сторону крышу и боковые стенки, чтобы позволить дронам расправить сложенные крылья и взлететь: как тяжёлым ударным, занимавших всё пространство контейнера, так и роям небольших «камикадзе». Относительно небольших, конечно – каждый такой дрон мог подорвать бронированный автомобиль. Из контейнеров, которые сгрузили на землю, выползали «брандеры», несущие по шесть-восемь тонн взрывчатки, и неспешно направлялись в подземные паркинги небоскрёбов и на людные площади. Время было выбрано идеально: хотя большинство ливеров работало удалённо, многим из них приходилось по утрам отправляться на смену: заводы, фабрики, богатые дома и отели ждали грузчиков, уборщиков, горничных, подсобных рабочих… другими словами тех, кого пока не могли заменить роботы. Навстречу им ехали рабочие ночной смены и потому удары по узловым станциям метро получились беспощадно жестокими и очень-очень красными. Кроваво красными. Не один взрыв – десятки и даже сотни, в нескольких жилых секторах. И не только станции, но площади, поезда,

загруженные дороги… Взрывы наносили основной ущерб, а дроны били по разбегающимся по улицам жителям и окнам небоскрёбов, тех небоскрёбов, которые не обрушились после грандиозных взрывов. Теоретические выкладки показывали, что четыре «брандера» гарантировано «кладут» стандартный стоэтажный небоскрёб, и они «клали» – разрывая основания длинных башен высокоэффективной взрывчаткой. А самое страшное заключалось в том, что остановить атакующие Сан-Франциско дроны можно было лишь одним способом – уничтожив их. В половине девятого утра все машины оборвали связь с внешним миром, начав автономное выполнение заложенных программ. Некоторые шли на определённые цели, некоторые выбирали их сами, а требовалось от них одно – как можно больше красного…

– Пусть будет больше красного!

Так кричал мужчина в красном комбинезоне и знаменитой красной маске, который появился на всех экранах Сан-Франциско. Кричал радостно. Кричал весело. Хохотал взахлёб, приплясывал и снова кричал:

– Я хочу больше красного!

И дроны давали, наполняя смех Марсианина свежей, остро пахнущей кровью.

* * *

– По предварительным данным, в ходе террористической атаки Марсианина погибло более семисот тысяч жителей агломерации Сан-Франциско. Пострадавших продолжают извлекать из завалов, однако разрушения таковы, что многие, ещё остающиеся в руинах люди, лишены надежды на спасение – добраться до них не успеют. Госпитали переполнены, раненых доставляют в медицинские учреждения Лос-Анджелеса и даже Сиэтла. Военные разворачивают полевые госпитали и обещают, что помощь будет оказана всем нуждающимся, но военных врачей пока мало и люди продолжают умирать. Муниципалитет Сан-Франциско объявил чрезвычайную ситуацию и обратился к федеральному правительству, федеральный президент выступил с экстренным обращением к нации и пообещал выделить ресурсы из стратегических запасов. Ситуация осложняется тем, что в некоторых районах Сан-Франциско продолжается операция по уничтожению автономных дронов Марсианина. Власти просят жителей…

Шанти переключилась на другой новостной канал.

– По всей видимости, военное снаряжение, включая дроны

и колоссальный запас взрывчатки, было получено по поддельным документам на складах поставщиков и отправлены по вымышленным адресам, которые были указаны в несуществующих контрактах. В конечном итоге, весь груз был собран на борту «SuperANT-4», который на несколько недель превратился в один из самых больших военных складов на планете. Как террористам удалось взломать максимально защищённые внутренние сети производителей оружия, выясняют федеральные структуры безопасности, но всем давно известно, что Марсианин отлично разбирается в Сети и, возможно, взломал сам Четвёртый департамент…

Следующий канал.

– Однако самые страшные разрушения произошли в порту агломерации и прилегающих жилых секторах – грандиозный взрыв контейнеровоза «SuperANT-4» стёр их с лица Земли, вызвав колоссальные разрушения и ошеломляющее количество жертв, которых, в настоящее время, насчитывается уже восемьсот тысяч. Оценить экономический ущерб пока не представляется возможным, однако можно с уверенностью сказать, что порт агломерации Сан-Франциско перестал существовать…

На большом экране демонстрировались кадры катастрофических разрушений в агломерации: рухнувшие небоскрёбы, вагоны метропоездов, валяющиеся под обрушившимися эстакадами, раздавленные электромобили, выброшенные на берег суда и трупы, гигантское, не вмещающееся в сознание количество трупов, для которых не хватает пластиковых мешков.

– Иногда всё вокруг кажется ненастоящим… – прошептала Шанти, не отрывая взгляд от монитора.

– Что именно? – негромко уточнила Марлоу.

– А разве непонятно? – Шанти кивнула на экран. – Я понимаю, что вижу – я пережила подобный удар по агломерации, пусть не такой силы, но небоскрёбы в Швабурге падали. Я пережила… но даже мне в какие-то мгновения кажется, что я смотрю фильм или нахожусь внутри симулятора. Или сплю. А каково людям, у которых нет моего опыта? Для них эта страшная картинка – всего лишь картинка.

– Они сочувствуют, – не согласилась Марлоу. – Весь мир сочувствует Сан-Франциско.

– И старается побыстрее выкинуть увиденное из памяти, чтобы вечером спокойно заснуть.

– Таковы люди, – обронила Марлоу.

– Да, – вздохнула Шанти, продолжая смотреть на монитор. – Люди стараются избегать неприятных новостей и потому всё

больше времени проводят в Сети.

– В Сети мало новостных каналов?

– Можно выбрать Метавселенную, в которой не будет плохих новостей.

– Спрятаться в ней?

– Спрятаться от жизни. – Шанти убрала звук, поскольку картинка разрушенного Сан-Франциско не требовала комментариев – на экране застыл воплощённый ужас. – С помощью Метавселенных мы не только бежим от реальности, но растворяем её восприятие, растворяем её саму. Реальность не очень яркая, как правило – скучная, а иногда, как сегодня, до ужаса страшная. И люди стремятся сделать так, чтобы она как можно меньше влияла на их жизнь.

– Реальность становится частью Метавселенных, – вдруг сказала Марлоу.

Шанти помолчала, обдумывая слова нейросети, а затем улыбнулась:

– Интересный вывод.

– Тебе нравится? – удивилась Марлоу.

– Нет. Но он интересный. С помощью AV-очков люди убегают от того, что им неприятно и не нравится: мусор и крысы на улицах, выбитые окна, разрисованные стены, отсутствие уличного освещения… А если реальность не только неприятна, но ещё и страшит, то появляется желание уйти от неё как можно дальше, в «Яркость», а лучше – в любую авторскую Метавселенную, в которую не поступают новости из мира. Уйти как можно дальше и оставаться там как можно дольше.

– Возвращаясь в реальность лишь для того, чтобы поесть.

– Потому что в ней страшно, как может быть только в ней и нигде больше.

– Такова доля ливеров – бояться реальности, – с неожиданной жёсткостью в голосе продолжила Марлоу. – Поэтому участь ливера – Метавселенная. А то, что не исчезнет, если отключить электричество, будет принадлежать тем, кто этого заслуживает.

– Кто родился в правильной семье.

– Да, – подтвердила Марлоу после очень короткой паузы. Она точно знала, что стоит за словами Шанти, поскольку всю свою жизнь служила представителю «правильной семьи». – Они осознали своё превосходство, добились его, владеют миром и не понимают, почему должны «справедливо» делить ресурсы планеты с теми, кто согласился обменять реальность на красивые декорации.

– Декорации хотя бы существуют в реальности, – проворчала Шанти. – Ливеры же выбирают последовательность единиц

и нулей. Выбирают то, чего не существует.

– Но цифровые декорации научились заползать в реальность… – Марлоу прикоснулась пальцами к AV-очкам девушки. – …и превращают в декорации её саму. И возникла странная ситуация, когда реальность становится такой же лживой, как Сеть.

– И это сходство делает реальность частью Метавселенных.

– И тогда всё вокруг кажется ненастоящим…

Несколько секунд человек и нейросеть смотрели друг другу в глаза, после чего Шанти улыбнулась:

– В Метавселенной ты точно знаешь, с кем говоришь, поскольку на «оболочке» нейросети обязательно присутствует идентификационный код…

– У меня его нет.

– Ты – уникальна.

– Спасибо, Шанти.

– Говорить правду легко и приятно. – Девушка помолчала. – А когда ты отвыкнешь меня перебивать, ты станешь Совершенством.

– Имей совесть – я только-только научилась тебя перебивать.

– Это я и имела в виду.

– Я знаю.

Шанти вздохнула и продолжила:

– А если таких, как ты, будет много? Не уникальных, тут тебе нет равных, а не имеющих метки нейросети? Как мы узнаем, кто стоит рядом с нами в реальности: человек или нейросеть?

– Достаточно снять AV-очки, – напомнила Марлоу.

– Недостаточно, потому что это может быть человек, живущий на другом континенте и путешествующий в «оболочке». И сняв очки ты перестанешь видеть настоящего человека. Но никто не поручится, что это не нейросеть… А кто читает нам новости? – Шанти мотнула головой в сторону экрана. – Кто веселит в комедийных шоу или заставляет плакать в драматических? Кто пишет для них сценарии? Есть вопрос интереснее: кто пишет инструкции для Департаментов? Законы? Мы голосуем за живого человека или нейросеть высшего уровня, на «оболочке» которой нет идентификационной метки? Существует ли правительство? Кому мы подчиняемся? Чьи требования вынуждены исполнять?

– Я ведь сказала: реальность – это часть Метавселенных, – хладнокровно напомнила Марлоу.

– И я объясняю себе, почему твоё утверждение – истина. – Шанти грустно улыбнулась и вновь кивнула на экран. – Сеть пластична и способна выстроить уникальный мир для каждого

пользователя. В том числе – с помощью новостей. Вдруг наш сосед видит на экране совсем другое? Не в том смысле, что его интересуют биржевые сводки, а не преступления Марсианина, а что новости для него составлены по другому алгоритму? Где чёрное для нас ему называют белым?

– Вполне возможно, – медленно ответила Марлоу. – Ресурсы для этого есть.

– И мы живём в Метавселенной, считая, что пребываем в реальности. Живём в идеальной Метавселенной, предназначенной исключительно для нас. Для каждого из нас. Процесс цифровизации замкнулся, как Уроборос: мир создал Сеть – Сеть изменила мир.

– Достаточно снять очки.

– Новостные каналы можно читать без очков.

– И что будет дальше? Что произойдёт, когда миры сольются?

– А разве они уже не слились? Разве не ты сказала, что реальность – это часть Метавселенных? А значит, точка невозврата пройдена. – Шанти выключила экран, но осталась около него и, не глядя на Марлоу, продолжила: – Когда-то мы стояли в шаге от войны, в начале XXI века клубок проблем и противоречий стал очень горячим: невиданные государственные долги, перерасход ресурсов, перенаселение… Люди привычно собирались воевать и готовили планету на убой, но не получилось. «Мягкий путь» восторжествовал и несмотря на несколько серьёзных локальных войн, до обмена ядерными ударами дело не дошло. Подавляющее большинство жителей планеты постепенно загнали в агломерации, а экономику спустили в унитаз Метавселенных. Повсюду действуют протоколы Экологического Ренессанса, благодаря которым Земля постепенно отползает от экологической катастрофы и возвращает себе первоначальный облик, но какая от этого радость ливерам? Они не увидят преображение, точнее – Ренессанс, потому что не имеют права покидать пределы агломераций без разрешения Департамента социального согласия. Получить его практически невозможно и те красоты, которыми мы с тобой любовались несколько дней назад, для ливеров доступны только в «Яркости». Они разглядывают свою планету, но не живут на ней. Они…

– Они – ливеры, – тихо сказала Марлоу. – И они больше походят на меня, чем на тебя.

* * *

– Производители боевых дронов утверждают, что строго

следуют правилам и отгружают устройства без боеприпасов и без программного обеспечения – в полном соответствии с едиными глобальными требованиями. И если патроны, взрывчатку и ракеты Марсианин мог похитить у тех же производителей, то откуда он раздобыл программное обеспечение, позволившее атаковать мирный Сан-Франциско – неизвестно. Военные хранят молчание, а Четвёртый департамент ограничился коротким заявлением о том, что «проводится расследование». И это очень плохая новость, поскольку монополия на боевое программное обеспечение играет основную роль в безопасности граждан. Мы уверены, что террористы не могут использовать ничего, кроме стрелкового оружия и неуправляемых снарядов, теперь же выясняется, что они способны управляться с тяжёлыми образцами военной техники и программировать её на массовое уничтожение мирных жителей…

Помимо репортажей с места событий, кадры которых напоминали кадры уничтоженного немцами Сталинграда, в новостных каналах начали появляться первые аналитические блоки, авторы которых поднимали острые вопросы, главным из которых был следующий: откуда у Марсианина доступ к военному программному обеспечению? При этом в эфир аналитические выпуски отправились не просто так, а в результате тщательного изучения запросов и разговоров в Сети. Специалисты Соцсогласия и Четвёртого департамента увидели, что население встревожено, и распорядились «поднять тему», дабы обеспечить обществу возможность обсудить проблему, в результате чего будет выпущен пар, а ливеры получат иллюзию ответов.

Однако далеко не все потребители новостного контента нуждались в аналитике, тем более – в такой, некоторым было важно знать результаты атаки, по возможности – точные.

– Почему они молчат о жертвах? – недовольно бросил Марсианин. – Я хочу знать, сколько красного сделал!

– Много, – отозвался Спенсер. – Я думаю, они боятся озвучивать цифры и прикидывают, как бы ловчее соврать.

– Они не посмеют соврать! Не посмеют отобрать у меня достижение! – Марсианин вскинул голову. – Я хочу миллион!

Спенсер кивнул, а Дэвид, второй ближайший помощник Марсианина, пробормотал:

– Уверен, у нас получилось.

– Что? – Главарь резко повернулся и в упор уставился на помощника. – Что ты сказал?

– Уверен, у тебя получилось! – громко ответил Дэвид, использовав правильное местоимение.

– Да! – Марсианин взмахнул кулаком. – Я планировал,

высчитывал, готовился и хочу, чтобы был миллион. Мне нужно красное! Нам нужно много красного! Как можно больше красного!

– По нашим расчётам… – начал, было, Спенсер, но был перебит.

– Тихо! Хочу послушать их мнение о великолепном финале, который мы устроили в Сан-Франциско!

Дэвид вздохнул и чуть прибавил громкость.

В отличие от Кандинского, который всегда лично участвовал в акциях, дабы в полной мере насладиться устроенной катастрофой, Марсианин действовал удалённо, не желая подвергать себя случайному риску, а потом как сумасшедший рыскал по Сети в поисках всевозможных новостей. Поэтому сейчас Марсианин с помощниками находился вдали от Сан-Франциско и даже не в Северной Америке, а в агломерации Антверпен, к которой питал некоторую слабость, и отсюда наслаждался потоком страшных новостей.

– И Департамент социального согласия, и военные показали себя с наилучшей стороны, в точности выдержав заложенное в Акте о чрезвычайных ситуациях время реагирования. И даже опередив график. Дроны Департамента социального согласия атаковали машины террористов почти мгновенно, военные прибыли в агломерацию через двадцать три минуты и сразу вступили в бой. Федеральная управляющая нейросеть обеспечила великолепное взаимодействие между боевыми единицами правопорядка, благодаря чему военные не просто вошли в агломерацию, а оказались в тех секторах, где Департамент социального согласия особенно нуждался в огневой поддержке. Разведка быстро установила базу террористов – судно «SuperANT-4», однако нейросеть запретила его атаковать, опасаясь, что судно подготовлено к взрыву. Автономные портовые буксиры попытались вытолкать «SuperANT-4» за пределы порта, но когда Марсианин понял, что происходит, прозвучал взрыв. По предварительному заключению следователей Соцсогласия, взрывчаткой было наполнено не менее семи тысяч контейнеров, что сделало «SuperANT-4» самым мощным взрывным устройством, когда-либо применённым в террористическом акте. Взрыв превратил Сан-Франциско в зону гуманитарной катастрофы…

– Этот городишко мне никогда не нравился, – рассмеялся Марсианин.

– Городишко, как городишко, не сильно хуже других, – махнул рукой Спенсер. – Такой же неприятный.

– Вот именно – такой же неприятный, и потому получил то, что должен получить. – Марсианин кивком велел Дэвиду убрать звук и продолжил: – Остальным тоже достанется. – Пауза. –

Красного будет много… как на Марсе…

– В любом случае, дебют удался, – проворчал Спенсер.

До сих пор Марсианин атаковал исключительно ливеров, тщательно выбирая места их скоплений и превращая улицы и площади в кровавые ковры. По агломерации он ударил впервые и очень хотел, чтобы его заветная мечта исполнилась и число жертв перевалило за миллион.

– Сколько там?

– Девятьсот.

– Замедляются…

– Уверен, часа через два власти подтвердят миллион. А всего, с учётом тех, кого не успеют вытащить из-под завалов, кто умрёт от обезвоживания, сепсиса и самих ран, мы сможем дойти до миллиона триста…

– Или полутора, – добавил Дэвид.

– Или полутора, – поддержал его Спенсер, понимая, что Марсианину нравятся большие числа.

– Увидим. – Марсианин тихонько выдохнул. Стремился он к полутора миллионам, или нет, помощники не знали, но видели, что главарь доволен. Красного получилось много, однако был ещё один аспект, который интересовал Марсианина не меньше, чем число жертв.

– Что пишут в Сети? – с деланной небрежностью осведомился он у помощников.

А поскольку результаты акции они только что обсудили, Спенсер и Дэвид поняли, что под «что пишут», подразумевалось: «что пишут обо мне в рамках соревнования с Кандинским»?

– Сравнивают?

– Да, – отозвался Дэвид.

– В чью пользу?

Каждая акция знаменитых террористов сопровождалась не только официальным расследованием, усилением террора со стороны Социального согласия, огромным медийным эффектом, но и бурным обсуждением в Сети, которое инициировали самые обыкновенные ливеры, те самые, чьё красное Марсианин призывал пускать в больших количествах. Они разбирали каждый эпизод кровавых акций, смаковали подробности и ожесточённо спорили о том, кого из террористов можно назвать номером один. До сих пор первую строчку упырей с уверенным отрывом занимал Кандинский, однако Марсианин искренне надеялся, что Сан-Франциско поможет ему подняться над старым соперником.

– Основные споры впереди, – сообщил Спенсер. – Все ждут, пройдёшь ли ты миллион.

– А если пройду?

– В этом случае…

– Федеральное министерство социального согласия утроило награду за твою голову, – выдал радостную новость Дэвид. – Теперь ты – самый разыскиваемый террорист планеты по их версии.

Если добавятся аналогичные признания от четырёх из остальных десяти служб безопасности, а главное – от Четвёртого департамента, то дело, можно сказать, сделано, и заветная строчка будет закреплена за ним как минимум до следующей акции Кандинского.

– Федеральное агентство финансового оздоровления удвоило награду.

– Министерство безопасности морских грузоперевозок утроило!

Марсианин широко улыбнулся и направился к мета-креслу.

– Пойду в «True Crime». Хочу посмотреть на происходящее изнутри.

* * *

– Это «True Crime»? – поинтересовалась Шанти, с любопытством озираясь по сторонам.

Марлоу отвечать не стала – не увидела необходимости, поскольку Шанти знала, куда они направляются. Зато вопрос услышал местный, в «обложке» длинного худого мужчины в белых брюках, синей сорочке и синих туфлях. Выглядел местный достаточно элегантно, а голос имел мягкий и приятный.

– Да, красавица, это – «True Crime». Нравится?

Шанти помолчала, подумала, решила не начинать посещение бандитской Метавселенной со скандала с неизвестным и мило улыбнулась:

– Меня трудно удивить.

– Многие так говорят, а потом удивляются, – бархатно рассмеялся местный. – Меня зовут Рауль.

– Очень приятно.

Представляться в ответ Шанти не собиралась, Рауль это понял и спокойно продолжил:

– Чем промышляете?

– Приглядываемся.

– Нужен товар?

– А что ты можешь достать?

– А что вам нужно?

– То, что нам нужно, мы знаем, – уверенно бросила Марлоу. – Ты скажи, на чём специализируешься?

Глупо рассказывать свои планы, какими бы они ни были, первому попавшемуся жулику.

– А ты, я смотрю, опытная? – Поскольку метку нейросети Марлоу не носила, все вокруг принимали её за человека и Рауль не стал исключением. – Знаешь, как нужно держаться… Вы при деньгах?

– На вопрос ответишь? – Марлоу добавила в голос металл.

– Цифровые полотна с подтверждённой подлинностью.

– Не интересует.

– Из всех Метавселенных и даже из частных коллекций.

– Не интересует.

– Работаю только с умершими художниками. Мой товар растёт в цене день ото дня.

– Приходи, когда мы разбогатеем.

Пик моды на цифровые художественные галереи и частные коллекции прошёл, бизнес потерял в остроте, но остался в числе прибыльных – ливерам нравится делать вид, что они разбираются в искусстве, однако девушек скульптуры и картины не интересовали.

– Разве не видно, что наши гостьи ищут развлечений? – Следующую атаку на Марлоу и Шанти предприняла «оболочка» розовощёкая, кудрявая и плечистая. И очень дружелюбная. – Меня зовут Абрис.

– Прекрасное имя.

– Какую наркоту предпочитаете? Дрон доставит посылку в любой сектор любой агломерации. Количество на ваш выбор: от индивидуальной дозы до «блюда на компанию». Каталог продукции включает все виды присутствующей на рынке дури.

– Я работаю с проверенным дилером, – без запинки соврала Марлоу.

– Тогда что ты здесь делаешь?

– Мы тут приглядываемся.

– А, туристы? – рассмеялся Рауль. – Таких тут тоже много. Наша Метавселенная опасна и это щекочет ливерные нервы.

– Обычно туристы уезжают отсюда без гроша, – добавил Абрис. – Но вы ведь сами выбрали для прогулки «True Crime», то есть, знали, куда стремились.

– Зачем ты это говоришь?

– Напоминаю, что у меня в корзинке полно первосортного товара, и лучше потратить деньги на него, чем выкинуть их в местном казино.

– Мы разберёмся, – пообещала Марлоу. – А теперь оставьте

нас в покое.

Одно из преимуществ общения в Сети – это возможность забанить неугодную «оболочку», хоть на пять минут, хоть навсегда. Эта услуга предоставлялась во всех Метавселенных, и диктовала правила цифрового поведения: услышав просьбу, Рауль и Абрис дружно улыбнулись девушкам и потеряли к ним всякий интерес.

– Только не говори, что ты никогда не была в «True Crime», – произнесла Марлоу, заметив, что спутница продолжает оглядываться.

– Не была, – спокойно ответила Шанти. – Знаю об этой Метавселенной только то, что рассказывали инструкторы Четвёртого департамента.

– Вот уж не думала, что в твоём образовании такие пробелы.

– Четвёртый департамент не занимается уголовниками.

– А самой не было интересно здесь побывать?

– Нет, – пожала плечами Шанти.

– Почему?

– Это сложный вопрос…

Почему не тянет в самую яркую, самую известную, самую порочную Метавселенную глобальной Сети? Туда, где можно всё? И где никто не осудит, если ты с упоением предашься этому «всему» или любой его составляющей – любой каприз за ваши деньги, но пусть ваш каприз окажется незаконным, иначе окружающим станет неловко. Всех ливеров тянуло в «True Crime» – попробовать, ощутить, прикоснуться к запретному, и бесчисленные рассказы о том, как ушлые сетевые уголовники проникали через точку входа в электронные кошельки лохов и опустошали их счета, не могли остановить поток туристов.

Запретный плод сладок.

– Мы ведь не торопимся? – спросила Марлоу, располагаясь за столиком уличного кафе.

– Ты мне скажи, – рассмеялась Шанти. – Ты пообещала организовать встречу, но не уточнила, сколько времени тебе потребуется.

– Часть меня как раз занимается организацией, – ответила Марлоу. – Ответа пока нет, значит, время есть, и ты сможешь не спеша рассказать, почему тебе неинтересен «True Crime»?

– Почему тебе так интересен мой неинтерес?

– Потому что это своего рода аномалия.

– Пожалуй… – Честный ответ произвёл на Шанти впечатление. Она заказала чай со льдом, Марлоу попросила кофе, дождалась заказа и только затем продолжила: – Сначала ответь на вопрос: для чего, по твоему, разумеется, мнению, нужна «True

Crime»?

– Эту Метавселенную создали преступные корпорации, чтобы…

Марлоу замолчала так же резко, как начала отвечать. Замолчала и прищурилась.

– Вижу, ты начинаешь понимать, – заметила Шанти, прихватывая губами соломинку.

– Кажется, да, – едва слышно согласилась Марлоу.

– Метавселенные – это уникальные, очень сложные структуры, требующие не только денег и ресурсов, но и творческого начала. Метавселенные можно сравнить с величественными замками, наполненными произведениями искусства, но покоятся эти грандиозные строения на фундаменте глобальной Сети.

– Я служила человеку, семье которого принадлежит Сеть.

– Какие-то проценты Сети, – уточнила Шанти. – Лорд Гамильтон и его безвременно почившие родственники входили в число хозяев Сети, а значит – хозяев мира. Ведь современная версия цивилизации – это Сеть, единицы и нули, переползающие из реальности в Сеть и обратно. И это подводит нас к следующему выводу: если бы хозяева Сети захотели – преступные кланы не смогли бы создать свою Метавселенную.

– Тогда они расползлись бы по всем Метавселенным, – пробубнила Марлоу, сделав глоток кофе.

– Они и так расползлись по всем Метавселенным. – Шанти махнула рукой. – Киберпреступления совершаются везде, даже в полностью подводном Ватне, потому что везде – под водой, в пустыне, на безжизненном астероиде или в Метавселенной по компьютерной игре – везде есть что украсть. Как минимум – личную информацию. Везде есть киберпреступники, но здесь – их дом, более того, по правилам игры, Департамент социального согласия имеет право фиксировать заходы в «True Crime», но понятия не имеет, что гражданин делает внутри, чем занимается и с кем встречается. А умелые ребята давно предлагают специальные «оболочки», в которых можно нырнуть в «True Crime» незаметно для Соцсогласия.

– А это зачем? – не поняла Марлоу.

– Ребятам – лишний заработок. Ливерам – дополнительная возможность «нагнуть» Систему и почувствовать себя неуловимым преступником.

– Но для чего хозяевам Сети предоставлять преступникам такие вольности?

– Ты не спрашивала об этом лорда Гамильтона?

– В те времена «True Crime» меня не интересовал.

– Понимаю… – Шанти повертела бокал, в котором оставалась примерно половина лимонада, и в очередной раз удивилась реалистичности Метавселенной класса ААА – она ощущала не только вкус напитка, но слабые нотки мяты, которую не очень любила. – Взаимодействие с криминалом как правило приводит к финансовым потерям, и тогда ливерам приходится усерднее трудиться, чтобы их компенсировать, но и формирует две важные иллюзии. Первая – у нас здоровое общество, в нём есть не только свет, но и тень, с которой борются соответствующие службы. Эта иллюзия важна, потому что если исчезает вечный дуализм жизни – свет и тьма, люди теряют привычные ориентиры. Вторая иллюзия – наличие «True Crime» даёт ливерам ощущение, что Систему можно нагнуть. А это очень важная иллюзия, необходимая для внутреннего спокойствия законопослушного гражданина. Как только он начинает ощущать себя не пылью, наполняющей небоскрёбы жилых секторов, а полноценным членом общества, имеющим право на протест, он окончательно превращается в ливера.

– Реальность наполнена иллюзиями.

– Она стала такой задолго до изобретения Сети.

– Не буду спорить, – вздохнула Марлоу.

– Ну и вишенка на торте: «True Crime» обеспечивает желающим нарушить закон всевозможные способы дополнительного заработка и предлагает альтернативный социальный лифт.

– Твои аргументы понятны, и я с ними согласна, – помолчав, произнесла Марлоу. – Действия разумны, но я не понимаю причину, которая заставила хозяев Сети совершить эти действия.

Шанти допила лимонад, расплатилась с официантом, не забыв о чаевых, но со стула не поднялась. Закинула ногу на ногу, повернула лицо к солнцу, будто действительно могла получить на кожу лёгкий загар, прикрыла глаза и рассказала:

– Люди насытили мир Цифрой, сделали его комфортным и прозрачным, получили абсолютную власть над всеми, поскольку финансы, передвижения, юридические документы, желания… всё, чем занимается человек, проходит через Сеть. И владельцы Сети знают о любом человеке всё. Абсолютно всё. Ливеры оказались полностью открыты, подконтрольны, а значит, управляемы. Но владельцы Сети довольно быстро поняли, что перегнули палку. На повсеместное исчезновение «privacy» сначала мало кто обратил внимание, но затем его пропажа перестала нравиться всем, кроме эксгибиционистов. Потом сдались и они. Люди старались не думать о том, что каждый их шаг фиксируется и запоминается, но у большинства

не получалось. Они постоянно ощущали за собой слежку. Их раздражение нарастало и вырывалось в виде бунтов. Я понимаю, что у всех массовых беспорядков были свои причины, не имеющие отношения к тому, о чём я сейчас рассказала, но расчёты Четвёртого департамента показали, что не будь у ливеров глубокого внутреннего раздражения от потери «privacy», бунты были бы в разы слабее. Поводок оставили, но слегка отпустили, и легализация криминала стала одной из балансирующих общество мер.

– Легализация? – удивилась Марлоу.

– Я предпочитаю называть вещи своими именами, – твёрдо ответила Шанти. – Криминал легализовали по приказу хозяев Сети, и поэтому мне неинтересно в «True Crime» – эта «незаконная» Метавселенная живёт в строжайшем соответствии с законами, которые для неё написали. Если здешние воротилы сделают хоть шаг в сторону, их сотрут и нарисуют новых. Из единиц и нулей.

– Здесь всё ещё более ненастоящее, чем казалось изначально, – угрюмо прокомментировала Марлоу.

– Совершенно верно.

Некоторое время девушки молчали, а затем Шанти спросила:

– Как мы с ним встретимся?

Они избегали называть Марсианина, чтобы не привлекать к себе внимания местных, ведь если тебя не слушает Департамент социального согласия, это не значит, что тебя никто не слушает.

– Он сам придёт, – коротко отозвалась Марлоу.

– Вы общались?

– Я отправила послание.

– От чьего имени?

– Догадайся.

Только от имени лорда Гамильтона, одного из владельцев Сети и бывшего хозяина Марлоу.

– Они общались? – изумилась Шанти. – Они знакомы?

– Я не стану рассказывать об этом сейчас, – ответила Марлоу.

– Но ты расскажешь?

– Однажды.

– Я прослежу, чтобы «однажды» случилось скоро.

– Не сомневаюсь.

– А я, кажется, точно знаю, где назначена встреча.

– В «Инферно», – кивнула Марлоу. – И следует поторопиться – он уже в пути.

* * *

Послание было странным, неожиданным и весьма интригующим. Марсианин не ждал этого послания, получив, удивился так сильно, что заподозрил ловушку, но не откликнуться не смог. В нём была загадка, ответ на которую Марсианин хотел знать, потому что ответ гарантировано поднимал его на недосягаемую для Кандинского высоту.

Нет!

Ответ поднимал его на высоту, недосягаемую даже для членов Сообщества, которым принадлежали земли, заводы, фабрики, агломерации, Сеть и в конечном счёте – ливеры. С этой высоты его невозможно было сместить, не разрушив саму Сеть, и этого Марсианин жаждал всей душой.

Стать номером один во всём.

И визит в «Инферно» мог это обеспечить.

В гангстерской Метавселенной любимый дом лорда Гамильтона располагался вдали от оживлённых центров – так же, как и в реальности. Стоял, окружённый лесом и, разумеется, оградой. Посмотреть на изысканный, несмотря на заброшенность, особняк, мог любой желающий, но пройти на территорию имели право только избранные и в их число входили все «оболочки» Марсианина, которые он использовал для входа в Сеть. Сейчас, к примеру, окружающие видели крепкого мужчину, лет тридцати, в скромном рабочем комбинезоне, мягких башмаках и красной бейсболке. Он прошёл через распахнувшуюся и немедленно закрывшуюся за его спиной калитку, и направился к главному входу. Обычным, неспешным шагом работяги, явившегося в дом по делу, например, починить водопровод. Марсианин заметил, что из окна второго этажа за ним наблюдают две женщины, но виду не подал.

Только чуть склонил голову, чтобы они не смогли увидеть его улыбки.

* * *

– Он не выглядит монстром, – протянула Шанти, разглядывая приближающегося террориста.

– Это всего лишь оболочка, – пожала плечами Марлоу. – Ты не видишь самого Марсианина.

– А ты его видела?

– Доводилось.

– И как?

– Он не выглядит монстром, – ответила, после короткой паузы, Марлоу.

– Вот видишь.

– Да… – Нейросеть внимательно посмотрела на подругу. – Ты нервничаешь.

Шанти вздрогнула, ответила удивлённым взглядом, но скрывать очевидное не стала и призналась:

– Немного.

– Почему?

– Почему? – Удивлённый взгляд Шанти превратился в изумлённый. – Разве непонятно? Он только что убил миллион человек.

– Да, в этот раз Марсианин превзошёл сам себя, – хладнокровно прокомментировала эмоциональное высказывание Марлоу.

– Миллион человек! – повторила Шанти.

Нейросеть догадалась, какую реакцию ожидает от неё девушка и с прежним хладнокровием произнесла:

– Эмпатия – не мой конёк.

– Миллион человек, – в третий раз произнесла Шанти. – Неужели ты ничего не чувствуешь?

– Возможно, ты меня научишь, – очень тихо сказала Марлоу.

И тем лишила подругу дара речи.

* * *

В большом холле ничего не изменилось. И, наверное, не могло измениться – лорд Гамильтон был большим консерватором, немного педантом, и сильно увлечённым человеком, безоглядно влюблённым в свой дом, а потому во всех Метавселенных «Инферно» выглядел абсолютно одинаково – точно так же, как в реальности.

Входные двери распахнулись с протяжным скрипом и Марсианин уверенно шагнул в мрачный холл, едва освещённый тусклыми от пыли лампочками. В огромной люстре их должно было быть с полсотни, но горело менее десятка, а прочие мертвели на своих местах. Настенные деревянные панели были темны то ли от времени, то ли от благородства породы – теперь не узнать, и темнота их добавляла холлу мрачности. Как и несколько поломанных балясин. Как продавленная ступенька. Как стоящий на полу телефон – древний и пыльный.

– Старый, добрый «Инферно», – пробормотал Марсианин, отдавая бейсболку невысокому слуге в бордовой, с тёмным золотом, ливрее.

Абсолютно ненужная в Метавселенной деталь, придуманная

лично Гамильтоном: цифровой слуга, принимающий у цифровой «оболочки» цифровую кепку. Деталь, выводящая «Инферно» за пределы Сети. Не в цифровой версии дома, разумеется, но в смысле метафизическом. Лорд Гамильтон хотел, чтобы его дом оставался загадкой даже там, где абсолютно всё можно разложить на нули и единицы, и у него получилось – только в «Инферно» Марсианин путал Сеть с реальностью.

И периодически ловил себя на мысли, что начинает верить в призраков.

– Вас ожидают в библиотеке, милорд.

«В любимой комнате старины Гамильтона…»

В единственной комнате «Инферно», в которой признаки запустения и тлена почти не проявлялись, шкафы были старыми, но выглядели крепкими, а обожаемые Гамильтоном книги пребывали в идеальном состоянии. Старые толстые книги в кожаных переплётах, источающие лёгкий, едва уловимый аромат старых толстых книг в кожаных переплётах, который Гамильтон распорядился перенести в Сеть. И который Марсианин почувствовал, едва войдя в библиотеку. Медленно оглядел ряды томов, зная, что каждый из них можно снять с полки, раскрыть и почитать, уселся в кресло, которое подвинул предупредительный слуга и со светским небрежением принял у него стакан со старым виски. Виски тоже составлялся из нулей и единиц, но Метавселенные класса ААА гарантировали полный спектр ощущений, от запаха до вкуса, поэтому виски показался настоящим, с крепким торфяным ароматом и долгим послевкусием. Слуга вышел. Марсианин сделал маленький глоток и только теперь посмотрел на двух молодых женщин. Они сидели в креслах напротив, однако до сих пор террорист умело делал вид, что в библиотеке он совершенно один.

Марсианин с улыбкой оглядел белокурых красоток – у одной волосы ниже плеч, у другой стрижка «под мальчика», зато у обеих длинные ноги и ямочки на щеках – и с грустью произнёс:

– Так значит это правда – старина Гамильтон умер.

– Откуда ты знаешь? – поинтересовалась длинноволосая.

– А почему бы мне этого не знать, Марлоу?

То, с какой лёгкостью Марсианин вскрыл её маскировку, выбило Марлоу из колеи и даже заставило коротко выругаться:

– Твою мать.

На что последовала ироничная реакция:

– Твои манеры заметно ухудшились, Марлоу, это результат общения с новой подопечной?

– Как ты меня узнал?

– По тому, как ты ведёшь себя в этом доме.

– Я – нейросеть, у меня нет черт характера.

– Ты плохо о себе думаешь.

Он не выводил Марлоу из себя, не старался разозлить, но с неимоверной точностью бил по болевым точкам, заставляя удивляться, а значит – теряться.

– У меня есть характер? – пробормотала сбитая с толку Марлоу.

– Был всегда, иначе Гамильтон не стал бы с тобой возиться. Слуг у него и без тебя хватало. – Марсианин сделал ещё один глоток виски. И продолжил демонстративно игнорировать Шанти. – Кроме того, Марлоу, кто, кроме тебя, предложил бы встретиться в «Инферно»? Только ты знала, что сюда я приду обязательно.

– Почему?

– Если ты этого не знаешь, значит, тебе не нужно этого знать.

Марсианин откинулся на спинку кресла, с улыбкой разглядывая озадаченную нейросеть, и в это мгновение прозвучал вопрос:

– Ты и в самом деле убил миллион человек? – Шанти решила, что пришло время вступить в разговор.

– Это было в новостях, – ответил Марсианин, продолжая смотреть на смущённую Марлоу.

– Что ты чувствовал при этом?

– Не думал, что вам нужно интервью.

– Нет, не интервью, – пробормотала Марлоу.

– Я не могла не спросить, – громко и уверенно произнесла Шанти.

И наконец-то удостоилась пристального взгляда Марсианина, посмотревшего на «оболочку» так, словно перед ним сидела настоящая девушка. Посмотревшего и спросившего неожиданно серьёзным тоном:

– Тебе это важно?

– Да.

– Тебе говорили, что ты слишком хорошая для этого мира?

– Ещё нет.

– Тогда слушай: ты слишком хорошая для этого мира. Спрячься от него.

– Где?

– Отличный вопрос. Но моё дело давать важные советы, а не указывать направления. Где прятаться – решай сама, главное, постарайся сделать так, чтобы я тебя не нашёл.

Марсианин мило улыбнулся. Однако сбить с толку Шанти так же легко, как Марлоу, у него не получилось.

– На мой вопрос ответишь? – хладнокровно осведомилась

девушка. – Мне действительно интересно, что ты чувствовал, когда задумывал «СанФранцисКрах»? О чём ты размышлял, когда готовился? Когда отдавал приказ начинать? Ты ведь понимал, что убьёшь много людей?

– Я стремился убить как можно больше людей – это немного другое.

– Но зачем?

– Больше красного, девочка, таков мой девиз.

– То есть, ты – обыкновенный убийца?

– Ты называешь обыкновенным того, кто только что убил миллион человек? – Марсианин искренне удивился, затем почувствовал обиду, а затем понял, что стриженая «под мальчика» «оболочка» отыскала его слабое место и бьёт по нему, как сам он только что бил по слабому месту Марлоу. Понял, но продолжил игру. – И «СанФранцисКрах» – не единственная моя акция.

– Я нашла твоё резюме в Сети, – отмахнулась Шанти. – Мне интересно, что лежит в основе твоих выходок? Обыкновенная жажда убийства?

– Ты что, русская? – Марсианин не сдержался и ответил грубовато.

– С чего ты взял? – Шанти, увидевшая, что ей удалось пробить защиту террориста, удивлённо хлопнула ресницами.

– Русские любят копаться в себе, разбираться, откуда что взялось, что было в основе, а остальные просто делают, – ответил Марсианин. – Я хочу убивать, у меня это прекрасно получается, и я буду убивать, пока жив. Я – профессионал. Мне нравится то, чем я занимаюсь. И не смей называть «обыкновенным» того, кто убил миллион человек.

– Знаешь, есть такой сорт винограда – «примитиво»?

Марсианин вздрогнул, но постарался ответить в прежнем ключе:

– Знаешь, если бы мне не было так интересно, я бы давно тебя убил.

– Знаешь, если бы ты мог меня убить, ты бы не рассказывал сказки о том, что тебе интересно.

– Твою мать!

– Ваши манеры заметно ухудшились, – равнодушно заметила позабытая всеми Марлоу. – Это результат общения с моей новой подопечной?

Марсианин понял, что теряет лицо и выдержал короткую паузу, во время которой сумел взять себя в руки и вернуться к спокойному тону.

– Ходят слухи, что родители старины Гамильтона отправились вслед за ним.

– Об этом ещё не сказали в новостях, – обронила Шанти..

– Не будь у меня надёжных источников информации, я бы не смог протянуть так долго.

– Смог бы.

– Но не в этом амплуа, – заметила Марлоу.

– Пожалуй.

– А ты сам, случайно, не нейросеть? – прищурилась Шанти. – Уж очень легко ты распознал Марлоу.

– А ты остроумная, – усмехнулся Марсианин. И вновь обратился к Марлоу: – Теперь я понимаю, чем она тебе понравилась.

– Хозяин умер, не оставив инструкций, что делать в этом случае.

– Гамильтон был самонадеян… я, кстати, тоже… – Марсианин повертел в руке стакан. – Нужно написать нейросетям, чтобы в случае моей смерти они покончили с собой… А не искали себе нового хозяина.

– Я не знала, что делать.

Говорить о том, что Шанти её взломала, Марлоу сочла излишним.

– А ещё уверяешь, что у тебя нет характера… Как умер Гамильтон?

Теперь всё внимание Марсианина переключилось на Шанти.

– Во время атаки на «Инферно» легла система безопасности. Воины местного племени ворвались в замок и прикончили твоего приятеля.

– Почему племя решилось атаковать «Инферно»? Они ведь знали, чем это для них кончится.

И кончилось: карательный отряд полностью уничтожил дикарей, осмелившихся нарушить один из главных законов современного мира – неприкосновенность хозяев.

– Лорд Гамильтон купил на рынке рабов сына вождя племени и отказался его возвращать.

– Гамильтон был в своём праве.

– Разве можно в одном предложении использовать слова «право» и «рабство»? – удивилась Шанти.

– На территориях оно существует и регламентируется внутренними законами, – пожал плечами Марсианин.

– И ты так спокойно об этом говоришь?

– Я о многих вещах говорю без лишних эмоций. А тебе могу лишь повторить: этот мир слишком суров для тебя.

– Я изменюсь, – пообещала Шанти.

– То есть, стадия «я изменю мир» уже пройдена? – Марсианин коротко рассмеялся.

– Начну с малого.

– Прекрасный ответ, – одобрил террорист и тут же сменил тему: – Как умерли Анакин и Дикла?

– Несчастный случай, насколько мне известно, – ровно произнесла Шанти.

– Они умерли, находясь в Сети. Одновременно. От сердечных приступов. Если это несчастный случай, то я – попечитель крупнейшей благотворительной организации планеты… – Марсианин оборвал себя восклицанием: – Чёрт! – Хлопнул по колену и весело продолжил: – А ведь я правда попечитель крупнейшей благотворительной организации планеты… Смешно… Так как, говоришь, они умерли?

– Несчастный случай, насколько мне известно.

– Эти слова уже были произнесены.

– Ты повторил вопрос, я решила, что ты не расслышал ответ.

Марсианин поставил стакан на столик слева от кресла и свёл перед грудью пальцы рук.

– Ты дерзкая и амбициозная, но если ты думаешь, что вместе с секретами Гамильтона, заполучишь его место за карточным столом, то крепко ошибаешься – в это казино пускают только по праву крови. Купить входной билет невозможно, его можно получить только в случае правильного происхождения. Обладая превосходством, которого у тебя нет.

– Ты убил миллион человек, но не боишься за свою жизнь. – Шанти резко посмотрела на Марсианина. – Всё дело в происхождении? Благодаря ему ты стоишь над законом?

– Дерзкая, амбициозная и не совсем дура, – резюмировал террорист.

– Почему «не совсем»?

– Я только что сказал: ты решила, что сможешь унаследовать секреты Гамильтона…

– Ты сказал, что я унаследовала секреты Гамильтона, – напомнила Шанти.

– Унаследовать секреты и удержать наследство – это совсем не одно и тоже. – В голосе Марсианина прозвучали самодовольные нотки.

– Я помню, что место за карточным столом мне не светит.

– Ты правильно понимаешь своё положение, – кивнул Марсианин. – А сейчас скажи, зачем просила о встрече?

– Теперь уж и не знаю, – протянула девушка. – Я ожидала встретить террориста…

– А встретила вершителя судеб мира?

– Встретила одного из тех, кого я уже убивала.

– То есть, террористов ты ещё не убивала?

– Это вопрос времени.

– Я правильно понимаю, что ты мне угрожаешь?

Шанти ответила Марсианину долгим взглядом и едва читающейся на губах улыбкой. А когда террорист оценил ответ, продолжила:

– Теперь, после того, как мы обозначили отношение друг к другу, можно обсудить деловые вопросы.

– Ты – достойный противник, хоть и низкого происхождения, – признал Марсианин. – Но как получилось, что старина Гамильтон не распознал твою истинную суть и позволил убить себя?

– Всё дело в высокомерии и презрении к людям, – объяснила Шанти, решив не обращать внимания на обвинение в убийстве. – Окажись ты первым, ты бы допустил такую же ошибку. Но ты знал, что лорд Гамильтон погиб при странных обстоятельствах и стал осторожен.

– Возможно, ты права. – В стакане оставалось на глоток виски, но Марсианин сознательно его оставил – чтобы не появился слуга. Однако стакан в руку взял, намереваясь отпить совсем чуть-чуть. – Но ты сильно рискуешь, угрожая мне уже второй раз.

– Я не угрожаю, я максимально чётко описываю наши отношения.

– Пока – недостаточно чётко.

Шанти вопросительно подняла брови.

– Я хочу знать, чего ты ждёшь от нашей встречи?

– Мне нужен Кандинский.

– Что? – Такого ответа Марсианин не ожидал и потому едва не расплескал виски.

– Мне нужно, чтобы ты вывел меня на Кандинского, – объяснила Шанти. – Я бы с удовольствием избежала встречи с тобой, но Кандинский не входил в число знакомых Гамильтона.

– Входил… но они давно не общаются.

– А ты?

– И я. В смысле – и мы. – Марсианин понял, что его второй раз ввели в замешательство, но сумел подавить злость. – Наше соревнование носит заочный характер.

– Это не соревнование – ты просто пытаешься его догнать.

Но эта попытка разозлить Марсианина не удалась.

– Зачем тебе Кандинский?

– Чтобы убить.

– Гм… он об этом знает?

– Он и без этого хорошо прячется.

– Это так… но почему ты решила, что мы знакомы?

– Да мне плевать знакомы вы, или нет. Я просто подумала, что ты не упустишь возможности нагадить первому номеру и занять его трон.

– Я – первый номер!

– Да, милый.

Несколько мгновений Марсианин яростно смотрел на Шанти, но в очередной раз сдержался и даже отыскал в себе силы рассмеяться:

– А ты действительно молодец.

– Спасибо.

– Почему ты хочешь убить Кандинского?

– Потому что Кандинский хочет убить меня.

– Тебя? – Изумление было неподдельным. – Кто ты для него?

Шанти едва заметно дёрнула плечом:

– Это наше дело.

Марсианин перевёл взгляд на Марлоу, нейросеть осталась невозмутима. Марсианин понял, что хочет выпить, причём не идеальный цифровой дубликат в Метавселенной класса ААА, а обыкновенный виски, можно даже не двадцатипятилетней выдержки, а просто, чтобы дал по мозгам.

– Похоже, старина Кандинский крепко влип.

– Ты скажешь, как его зовут?

– Нет.

– Но ты мне поможешь?

– Не уверен.

– Почему?

– Потому что сначала я хочу знать, что получу взамен? – Марсианин забросил ногу на ногу.

– Первую строчку рейтинга.

– Мало.

– Это то, что тебе действительно нужно.

– Я уже на первой строчке.

– До следующей акции Кандинского.

– Что-то мне подсказывает, что ты доберёшься до него раньше.

– Моё дело предложить, – вздохнула Шанти. И прищурилась, услышав следующую фразу Марсианина:

– Но договориться мы можем.

– Какова же твоя цена?

Марсианин вновь стал очень серьёзным, всем своим видом показывая, что над теми вещами, о которых пойдёт речь, шутить неуместно.

– Если у старины Гамильтона был кто-то, кого можно было бы назвать его другом, то это, без сомнения, я. Мы не были близки –

он никого не подпускал, но общались достаточно искренне, и Гамильтон несколько раз заводил разговор о том, над чем работает. О своей мечте. Он не вдавался в детали, но оговаривался периодически, поскольку был тщеславен. Я же долгое время не верил, что у него получится, считал, что Гамильтон бросает колоссальные средства на ветер, но известие о том, что сердечный приступ одновременно поразил и Анакина, и Диклу, заставило меня изменить мнение. У старины Гамильтона получилось задуманное, ты эту технологию унаследовала, а я её хочу.

– Зачем? – вырвалось у Шанти.

– Затем, что должно быть больше красного, – угрюмо ответила ей нейросеть.

И Марсианин не стал отрицать:

– Совершенно верно, Марлоу – больше красного. – В следующий миг он повернулся к Шанти: – Ты даже не представляешь, какие перспективы открывает разработка старины Гамильтона.

– Представляю, – глухо сказала девушка. – К сожалению, представляю.

– Если бы представляла – не использовала бы её, – мягко произнёс Марсианин. – Теперь же джинн вырвался из бутылки. Я, а может, не только я, знаю, что технология существует и работает. Технология, с помощью которой можно убить человека, находящегося в Сети. Это невероятный прорыв, дарующий невиданное превосходство, и потому от тебя не отстанут, пока ты её не отдашь.

* * *

– Только не говорите, что вы не смогли её выследить! – рявкнул Марсианин, выпрыгивая из мета-кресла.

– Мы её выследили! – мгновенно отозвался Спенсер. – Девчонка прячется в Токио!

– Район определил?

– И район, и дом, и квартиру.

Этот ответ немного смутил Марсианина.

– Она настолько беззаботна? – удивился он, припоминая только что состоявшийся разговор. А припомнив, сказал себе, что таинственная девчонка показалась умной, то есть, неспособной допустить настолько глупую оплошность.

– Она хорошо маскировала следы, но твой федеральный ключ творит чудеса.

– Он для этого и придуман, – проворчал Марсианин, изучая выведенную на монитор информацию через плечо Спенсера. – Что сейчас происходит?

– Я направил по указанному адресу дроны. Будут на точке через тридцать четыре секунды.

Тянуть с захватом подозрительной девчонки Спенсер не собирался.

– Она нужна живой.

– У меня готова сводка по упоминаниям в Сети, – доложил Дэвид. – «СанФранцисКрах» оказалось весьма удачным названием.

– Позже, – отмахнулся Марсианин. – Спенсер?

– Я тщательно продумал акцию и гарантирую, что мы возьмём девчонку живой, – уверенно пообещал помощник. – Ударные дроны обеспечат прорыв – выбьют окно, после чего выстрелят внутрь светошумовой гранатой, которая гарантировано вырубит всех, кто окажется в квартире.

– Сколько там комнат?

– Одна.

Стандартная минималистическая капсула для стандартного ливера: кровать или мета-кресло, маленький шкаф для нескольких вещей – принципы разумного потребления не позволяли ливерам копить много барахла, встроенный кухонный комбайн и совмещённый санузел.

– Хорошо, – кивнул Марсианин. – Продолжай.

– Одновременно, в квартиру влетит медицинский дрон и вкатит девчонке транквилизатор. Затем её аккуратно упакуют в «кокон», вынесут через окно и погрузят в бункер грузового беспилотника. Ещё через пятнадцать минут посылку примут наши люди на морском торговом судне, после чего доставят куда угодно.

– Неплохо, – оценил Марсианин. – Атака началась?

– Только что.

В «окнах» большого монитора появилось видео со всех задействованных в операции дронов. И, судя по картинке, сначала всё шло в точном соответствии с планом Спенсера.

Первый дрон ударил в оконное стекло – очень толстое, учитывая, что квартира находилась на сто двадцать девятом этаже. Негромкий взрыв, разлетающиеся осколки, вой залетевшего в квартиру-капсулу ветра, в котором совершенно потерялось гудение и без того почти бесшумных двигателей дронов. Затем вой на мгновение исчез в ярком и очень громком хлопке, который отправил перепуганную девушку на пол. В последний момент она попыталась добраться до входной двери,

но смысла в этом не было, поскольку в коридоре её поджидали два дрона. Которым так и не довелось поучаствовать в акции.

Девушка упала.

– Есть! – не сдержался Спенсер.

– Ещё нет, – покачал головой Марсианин, пытающийся разглядеть лицо несчастной сквозь заполнивший комнату дым.

– Остались сущие мелочи.

Дрон с инъектором сделал укол и вылетел в окно.

– А теперь – эвакуация.

Четыре дрона, оснащённые примитивными манипуляторами, упаковали пленницу в пластиковый «кокон», подняли и осторожно переместили в бункер грузовика, который немедленно взял курс на порт.

– Появление первого полицейского дрона ожидается через двадцать четыре секунды.

– Токийские спецслужбы смогут проследить наши машины?

– Нет, – твёрдо ответил Спенсер. – Мелкие машины я уже увёл, они залетят в канализацию и самоликвидируются. Грузовик же пока определяется как дрон экстренной медицинской помощи, но через минуту сменит позывные, превратится в курьера, которых там десятки тысяч, и затеряется среди них.

– Хорошо, – протянул Марсианин.

Однако тон, которым он произнёс коротенькую реплику, не понравился Спенсеру.

– Что-то не так?

– Слишком легко всё получается.

– Разве это плохо?

– Это не всегда хорошо…

Закончить фразу Марсианин не успел – входная дверь взорвалась, словно подтверждая его слова, и в комнату влетели посланные Шанти дроны.

Убежище террористов атаковали зеркально, только местом прорыва планировщики операции выбрали не окно, а дверь. Всё остальное было просчитано точно также: ударный дрон сносит основное препятствие, затем гремит светошумовая граната, после которой в помещении появляется медицинский дрон с инъектором наготове. А около окна нетерпеливо жужжат «перевозчики», готовые упаковать Марсианина в «кокон» и перенести в бункер грузовика…

Как выяснилось, в эту игру можно играть вдвоём.

Но несмотря на внезапность и грамотное планирование, атака не увенчалась успехом – захватить Марсианина не удалось, в противном случае, террорист № 1 превратился бы в посмешище для всей планеты. Спасли же Марсианина одно обстоятельство –

помещение, в котором он находился, было совсем не квартирой-капсулой и состояло из пяти комнат; и одно чудо, принявшее облик Дэвида, который за минуту до атаки вышел в соседнюю комнату и потому пропустил увлекательную увертюру – выбитую дверь и взрыв светошумовой гранаты. Однако человеком Дэвид был опытным, сразу понял что происходит и вручную запустил удалённо отключённую систему безопасности, выставив режим максимальной тревоги. В следующее мгновение мощный электромагнитный импульс сжёг всю находящуюся в зоне поражения электронику. Дроны рухнули на пол, резервным потребовалось четыре минуты на то, чтобы добраться до помещения, и этого времени Дэвиду хватило, чтобы перетащить Марсианина и Спенсера в соседнюю комнату, запереться в ней и запросить немедленную эвакуацию.

* * *

– Зачем ты это сделала? – не сдержалась Марлоу, когда на контрольной панели стал красным сигнал последнего из посланных в логово Марсианина дронов.

– Мы могли его захватить, – спокойно ответила Шанти.

– Говори только о себе, пожалуйста, – попросила нейросеть. – Я не принимала участия в планировании этой акции.

– Я считала, что могу его захватить, – поправилась Шанти. – Это была целиком и полностью моя идея.

– У тебя нет опыта для захвата такого человека.

– Тебе так кажется.

– Что?

– Он так уверен в своём превосходстве, что даже этот, достаточно дурацкий план, мог сработать, – неспешно произнесла девушка. – Он не удался по чистой случайности, но действие не стало бессмысленным: мы плавно перешли к следующей части плана.

Несколько мгновений нейросеть обдумывала услышанное, после чего решила, что Шанти не очень хорошо поняла, что она имеет в виду, и уточнила:

– Теперь Марсианин узнал, что у тебя есть не только технология лорда Гамильтона, но и его федеральный ключ. Потому что только с федеральным ключом можно было создать ложную точку входа и подобраться к нему так близко.

– И что? – вопрос прозвучал настолько равнодушно, что Марлоу недовольно нахмурилась.

– Что «и что»?

– Марсианин понял всё то, что ты перечислила, и что дальше? – поинтересовалась Шанти. – Что он сделает?

– Он будет знать, чего от тебя ожидать.

– Он не дурак и понял это в тот момент, когда увидел тебя. Раз ты со мной, значит, я контролирую всё, как он выразился, наследство Гамильтона, и не трудно догадаться, чего от меня можно ожидать.

– Могла бы пойти на встречу одна, – буркнула нейросеть.

– Демонстрируешь характер?

– Только учусь. – Марлоу помолчала. – А теперь серьёзно: что он сделает? На что ты рассчитываешь?

– Он испугается, – с уверенной улыбкой ответила Шанти.

– Марсианин?

– А ты бы не испугалась?

– Не понимаю… – растерялась нейросеть. – Я тебя не понимаю.

– Выслушав твой рассказ о Марсианине, а так же пообщавшись с лордом Гамильтоном и его родственниками, я поняла, что все они убеждены в своём превосходстве над всеми и привыкли к полной безнаказанности. И к безопасности. Никому из них даже в голову не может прийти мысль, что кто-то из ливеров способен не то, чтобы поцарапать им обувь, но даже посмотреть в их сторону без разрешения. Вся эта охрана, системы безопасности, личные федеральные ключи – всё это убаюкало Марсианина, а я дала ему пощёчину. Подобралась так близко, что смогла вырубить его светошумовой гранатой. Он меня не смог, а я его – смогла.

– Марсианин чувствует себя опозоренным, – прошептала Марлоу, догадавшись, куда клонит девушка.

– И что он сделает?

– Придёт за тобой. Явится лично, чтобы прикончить тебя своими руками.

– Я рада, что наша оценка личности Марсианина полностью совпадает, – рассмеялась Шанти. – Марсианин сделает всё, чтобы найти меня в реальности.

– Как он это сделает?

– Я позаботилась о том, чтобы от токийской квартиры к нам привёл слабый след, – рассказала девушка. – Настолько слабый, что я даже не уверена, что люди Марсианина смогут на него напасть. Но если они пойдут по следу, то будут уверены, что раскопали его сами, а мы пребываем в полной уверенности, что сумели хорошо спрятаться.

Несколько мгновений Марлоу молчала, изумлённо глядя на Шанти, после чего качнула головой:

– Знаешь, мне будет грустно, если ты погибнешь.

– Значит, постарайся сделать так, чтобы этого не произошло.

– Приложу все силы, – очень серьёзно произнесла нейросеть. – Даю слово.

* * *

– «Яркость» навсегда останется моей любимой Метавселенной, – медленно произнёс Кандинский, задумчиво глядя на далёкий горизонт, над которым уснули пушистые облака.

– Потому что первая? – зачем-то уточнил Марсианин, которому, в общем, было плевать на ответ.

– Первая и самая реалистичная, – ответил Кандинский. – Странно получается: мы так хотели от цифровых технологий чего-то необычного, такого, что абсолютно невозможно в реальности, а в результате ценим в Метавселенных то, что приближает нас к реальности.

То, что возможно лишь в классе ААА.

Они сидели за маленьким белым столиком, выставленным прямо на песке, в шаге от линии прибоя, и наслаждались тёплым вечером, приятно обрамлённым свежестью лёгкого ветерка. Белые брюки, свободные рубашки, обуви нет – не нужна. На столике два бокала, а бутылка белого прячется в ведёрке с истекающим водой льдом.

Метавселенная «Яркость», класс ААА.

– Ты ценишь реальность, – уточнил Марсианин. – Мне же нравится необычное.

Отвечать Кандинский не стал: пригубил вино и, продолжая разглядывать горизонт, поинтересовался:

– Что у тебя случилось?

– С чего ты взял, что случилось? – пробурчал Марсианин.

– Мы не виделись пять лет и не могу сказать, что я был сильно расстроен этим обстоятельством. И вот ты просишь о встрече…

– Предложил встретиться, – грубовато перебил собеседника Марсианин. Для него был важен правильный выбор слов.

– Ты растерян, – обронил Кандинский.

– А ты – единственный в мире человек, который читает меня, как раскрытую книгу.

– Поэтому ты и пришёл ко мне. Ты всегда приходишь, когда возникают проблемы.

Это замечание Марсианину не понравилось, однако демонстрировать характер он не стал. Чуть пожал плечами, словно говоря: ну, может быть, и спросил:

– Что ты уже знаешь?

– Только то, что тебя чуть не похитили, – ровным голосом ответил Кандинский.

– В Сообществе надо мной смеются?

– Удивляются. Все знают, что ты осторожен и внимателен.

– Я её недооценил.

– Кого?

– Имени не знаю. Как выглядит не знаю. Она сказала, что ты хочешь её убить.

«Яркость» действительно была самой реалистичной из всех Метавселенных, даже класс ААА казался для неё слишком низким – «Яркость» была достойна большего. Она позволяла

создавать необычайно реалистичные «оболочки» и только поэтому Марсианин сумел разглядеть на лице Кандинского тень охвативших его чувств. Но именно тень – террорист умел держать себя в руках. И голос его не дрогнул.

– Она меня ищет?

– Ты знаешь, о ком идёт речь?

– Она меня ищет?

Попытка выудить информацию с наскока не удалась и Марсианин ответил:

– Да.

– Сказала зачем?

– Насколько я понимаю, чтобы сделать с тобой то, что ты не смог сделать с ней. И это подводит наш разговор к неприятному вопросу: ты облажался? Не смог убить какую-то девчонку?

– Ту самую девчонку, которая едва не упаковала тебя в «кокон».

Марсианин уже отошёл от унижения, поэтому среагировал на едкое замечание достаточно спокойно:

– Ладно-ладно… признаю… ты прав: она не «какая-то», а весьма талантливая и целеустремлённая. Почему ты её не убил?

– Потому что не собирался.

Кандинский вернул бокал на столик и Марсианин заметил, что рука собеседника чуть дрожит. Сначала обалдел: Кандинский боится? Но через мгновение догадался:

– Она тебе понравилась?

Молчание.

– Но поскольку мы не оставляем следов, Глория решила её прикончить не спрашивая тебя, да? Поняла, что ты пожалел девчонку и приняла меры.

Кандинский кивнул.

– От этих родственников одни неприятности.

– Глория слишком много общается с нейросетями.

– И от нейросетей одни неприятности, – протянул Марсианин. – Я знаю, что говорю, потому что твоей девчонке служит Марлоу.

– Ты уверен?

– Абсолютно.

– То есть, это она убила Гамильтона?

– Да.

Недалеко от рифа появились дельфины. Один поплыл к берегу – пугать обитателей, другие остались ждать, когда запаниковавшая рыба направится подальше от опасности и сама явится к столу. Обычная охота, время ужинать.

– Раньше она не была такой кровожадной, – тихо сказал Кандинский.

– С кем поведёшься.

– Это верно.

– Какой она была раньше?

– Талантливой, – ответил, после короткой паузы, Кандинский. – А раз ей удалось убить Гамильтона, то сейчас она гениальна. Я бы на твоём месте с ней не связывался.

– Я и не собирался, – честно признался Марсианин. – Но она… кстати, как её зовут?

– Это неважно.

– Ладно. – Марсианин хмыкнул. – Так вот, я не собирался с ней связываться, я вообще не подозревал об её существовании, но девочка вбила себе в голову, что сможет выйти на тебя через меня. И идёт по моему следу.

– Скажи ей, что мне… что мне очень жаль. Что я не собирался делать то, что случилось… что… что сейчас я не могу с ней встретиться, но обязательно дам о себе знать…

Сначала бокал, а теперь пальцы на подлокотнике – они едва заметно подрагивали.

– Да тебе стыдно, – удивлённо произнёс Марсианин. – Тебе, мать твою, стыдно, неловко и ты… ты не можешь её забыть. Ты что… ты её любишь?

Молчание. И Марсианин поймал себя на мысли, что никогда не видел Кандинского настолько подавленным. По всей видимости, он считал таинственную девчонку погибшей и растерялся, не зная, что делать.

– При случае, я всё ей скажу, – пообещал Марсианин. – Но уверен, что слова её не остановят. Наоборот, убедившись, что мы общаемся, она насядет на меня со всей силой.

– Тогда спрячься, – посоветовал Кандинский.

– Что?

– Спрячься и подожди, пока я не соберусь с духом с ней поговорить.

– Давай я просто её убью? – предложил Марсианин. – И всем станет легче.

– Попробуй. – Кандинский поднялся на ноги. – Разговор окончен.

И медленно пошёл вдоль линии прибоя.

* * *

Иногда всё вокруг кажется ненастоящим…

А иногда, не всё, а какая-то часть окружающего мира. Какая-то деталь, причём, не обязательно важная, но заметная… или заметная только ей, но от того не становящаяся менее важной, а может, даже, наоборот – становящаяся очень важной именно из-за того, что заметна только ей, и Шанти единственная, кто понимает, что эта деталь делает всё вокруг ненастоящим…

Как сейчас всё вокруг ненастоящим делал массивный золотой перстень на левой руке собеседника: заметное украшение с крупным чёрным камнем, совершенно не блестело на солнце, громко заявляя окружающим, что состоит из единиц и нулей. Весьма необычный выбор для человека, который сидел сейчас перед Шанти. Сильного человека. Злого человека. Опасного человека.

Опасного даже в «оболочке».

– Ты очень смелая девочка, раз попросила о встрече со мной, – заметил он, равнодушно глядя на Шанти. И голос его оказался лишён всяких эмоций. Можно было подумать, что перед девушкой сидел айсберг. На пальце которого не блестел нарисованный перстень.

– Разве мне что-нибудь угрожает в «Яркости»?

– Я могу отыскать тебя в реальности.

– Не сомневаюсь, что твои люди уже стёсывают пальцы о клавиатуры, пытаясь определить мою точку входа.

Шанти постаралась ответить в тон собеседнику – равнодушно, и по тому, что человек, которого в агломерации Москва знали под псевдонимом Братский, едва заметно поморщился, поняла, что у неё получилось.

– Разумеется, они не сумеют отыскать мою точку входа, им не по зубам обойти мою защиту, но я могла поддаться, вывести их на ложный след, чтобы у тебя появилась иллюзия контроля. Ты бы решил, что я в твоих руках и повёл разговор намного свободнее. Но я решила сыграть честно… И сразу хочу предупредить, что наши отношения не затянутся: одна акция – и больше мы никогда не увидимся.

Мужчина покачал головой и улыбнулся, впервые с начала встречи проявив эмоции.

Братский вот уже двадцать лет руководил одним из крупнейших преступных синдикатов Москвы, считался человеком жестоким – другие в этом бизнесе не выживали, обладал нужными Шанти ресурсами, но главное – был заинтересован в предложении девушки. Но прикладывал все силы, чтобы этого не показать. Братский великолепно «держал лицо», но Шанти знала чуть больше, чем думал мужчина.

– Ты сказала, что речь идёт о Марсианине, – с прежним

равнодушием произнёс Братский.

– Да.

– Если это шутка, то я задействую все свои ресурсы, а они у меня немаленькие, чтобы найти тебя. И искать тебя будут не те ребята, которые сейчас стачивают пальцы о клавиатуру, в тщетных попытках пройти через федеральный ключ, а те, у кого есть доступ к федеральным ключам. Я заплачу им, они тебя найдут и я тебя накажу. И наказание будет очень жестоким. Если это шутка.

– Это не шутка, – спокойно ответила девушка. – Я ведь знала, к кому шла.

– К кому?

– «Алмаз Антарктики».

Братский действительно мог похвастаться железным самообладанием: он не вздрогнул, не изменился в лице, не выдохнул шумно или, наоборот, не задержал дыхание. И лишь взгляд его голубых глаз стал тёмным. Шанти много раз встречала в книгах эту фразу – «его взгляд потемнел», но не понимала, какой смысл вкладывали в неё писатели. А сейчас – поняла. Шанти смотрела в голубые глаза Братского, а видела два абсолютно чёрных и абсолютно непроницаемых камня с его перстня. А увидев – похолодела. Даже здесь, в «Яркости», похолодела, потому что увидела не «оболочку» из нулей и единиц, а лютого зверя, прячущегося под личиной светловолосого мужчины в элегантном костюме. Зверя, которому больно. Зверя, который настолько силён, что за свою боль готов убить кого угодно.

– Как ты узнала? – негромко поинтересовался Братский.

– Иначе бы я к тебе не пришла. Или пришла, но не к тебе.

Он коротко кивнул, показав, что удовлетворён ответом, или пока удовлетворён, и перевёл взгляд на перстень. А его глаза больше не казались Шанти чёрными. И о том, что случилось, напоминал лишь холодок внутри, который никак не хотел уходить. Холодок, возникший в «оболочке», составленный из единиц и нулей.

– Их было четыре: «Алмаз Антарктики», «Сапфир Антарктики», «Изумруд Антарктики» и «Жемчужина Антарктики» – большие и роскошные круизные лайнеры, предназначенные для путешествий по Южному океану. – Братский не мог не понимать, что Шанти прекрасно осведомлена обо всём, но рассказывал не для неё, а для себя. Вновь переживая старую историю. И Шанти догадалась, что переживает её Братский часто, гораздо чаще, чем о ней рассказывает. – «Драгоценности Антарктики» стал самым амбициозным проектом

туристического бизнеса. А для Марсианина он стал первым. Ему ведь нужно больше красного, а на каждом лайнере путешествовало по двенадцать тысяч пассажиров и членов экипажа. Вот Марсианин и решил, что это хорошая возможность громко заявить о себе. И он отправил их на дно. Одновременно. Ударил подводными дронами, по двадцать штук на судно, и запустил прямую трансляцию в Сеть, показывая последние мгновения жизни обречённых людей. А другие дроны угрожали ближайшим судам, не позволяя идти на помощь. Военные же явились слишком поздно. – Пауза. – На «Алмазе Антарктиды» я потерял жену, мать и троих сыновей. С тех пор прошло достаточно времени, чтобы у меня появилась другая семья, но своих пацанов я никогда не забуду. А теперь говори ты.

Братский излил душу и хотел знать, что заставило Шанти пойти против одного из самых известных террористов, иначе разговор закончится. Девушка это предвидела, ответ подготовила заранее и в самой короткой версии он прозвучал так:

– «Горячие поля Манилы».

Братский кивнул.

Это была седьмая акция Марсианина: он сумел отключить все датчики безопасности и закачал в подземные коммуникации столицы Филиппин разработанную для военных газовую смесь, взрыв которой превратил два жилых сектора в горящие развалины, один лишь разбор которых занял четыре месяца.

– Ты не похожа на островитянку.

– Родители работали в Маниле по контракту, а я училась в Сиднее.

– И ты поклялась отомстить?

– Нет, – ответила Шанти. И уточнила: – Я поклялась, что если появится возможность – я обязательно отомщу. Тем более, я училась работе в Сети.

– Какой уровень?

– Твои спецы не вскроют точку моего входа, но ты их за это не ругай – меня учили лучшие.

– Почему я должен тебе верить?

– Не нужно мне верить. Ты начнёшь действовать – если примешь моё предложение – только убедившись, что я действительно привела тебя к Марсианину. Не раньше, но и не позже. Я играю честно.

– Почему?

– Всё очень просто: мне нужна голова Марсианина. Тебе – тоже. Ты потратил кучу ресурсов, но не смог к нему подобраться. И без меня – не сможешь. А мне нужна твоя помощь. В этом причина моей честности. – Шанти помолчала. – Есть лишь одна

просьба: пожалуйста, не поддавайся романтическим бредням насчёт того, что ты должен лично вонзить кинжал в сердце Марсианина. Мы будем действовать сообща и если кому-то из нас, или кому-то из наших помощников, удастся завалить Марсианина – это станет чудом.

– Как мы узнаем, что действительно завалили Марсианина? – прищурился Братский.

– Это сложный момент, – не стала скрывать Шанти. – Когда речь идёт о подобных персонах, можно лишь предполагать стало покушение удачным, или нет. Но я сделала всё, чтобы Марсианин явился за мной лично.

– Что именно?

– Разозлила его настолько сильно, что Марсианин чувствует себя не просто оскорблённым, а униженным.

– Понятно… – Братский чуть подался вперёд: – Почему я, а не Соцсогласие?

Он хотел быть абсолютно уверенным в честности Шанти. Не потому что боялся за себя, а потому что боялся, что история окажется ложью и он не сможет добраться до ненавистного убийцы.

– Потому что я подозреваю, что у Марсианина есть личный федеральный ключ, – твёрдо ответила девушка, глядя Братскому в глаза.

Объяснять ничего не требовалось – личный федеральный ключ мог быть только у члена самого высшего общества, и если он решил развлечься убийством ливеров, ни Департамент социального согласия, ни военные, ни службы безопасности – никто не сможет ему ничего сделать. Выродков, считающих себя высшими существами, можно остановить лишь одним способом…

– Поэтому он остаётся безнаказанным на протяжении стольких лет?

– Как и Кандинский.

Братский кивнул, словно показывая, что Шанти подтвердила его давнюю догадку, после чего чуть приподнял руку, показывая девушке перстень:

– Я специально распорядился сделать его таким – нарисованным, а не реалистичным, как всё в «Яркости». Чтобы никогда не забывать, где нахожусь. Чтобы никогда не забывать, что всё вокруг можно подделать, что можно обмануть глаза, ощущения, вкус, запахи, можно добиться того, что ты перестанешь понимать, что за мир вокруг тебя – реальный или нарисованный. Но невозможно подделать то, что прячется здесь. – Братский прижал руку к сердцу. – Невозможно подделать то, что делает нас людьми – наши чувства. Они – настоящие. Мою

боль нельзя оцифровать. Так же, как и мою ненависть. Я – человек, а не ливер, и поэтому сделаю то, что должен сделать человек: я убью эту мразь. – Братский протянул Шанти руку, а когда девушка осторожно её пожала, продолжил: – Рассказывай свой план.

* * *

– Никогда не любил этот город, – буркнул стоящий у окна Марсианин. – О чём они думали, называя «Красной» площадь, на которой нет ничего красного?

– В том языке, который употреблялся на этих территориях раньше, «красный» в том числе имело значение «красивый», – рассказал Дэвид.

– Неплохо придумано, – одобрил Марсианин. – Нет ничего красивее красного. Особенно когда его много. – И бросил быстрый взгляд на Спенсера. – Чего рожу кривишь?

– Москва – старый город, – протянул в ответ второй помощник. – А старые города не любят, когда с ними обращаются без уважения.

Фраза заставила Марсианина поднять брови:

– Ты серьёзно?

– Да.

– С каких это пор ты стал суеверным?

– Всегда таким был.

– Почему я раньше об этом не знал?

– Потому что раньше ты не ругал при мне старые города.

Дэвид хмыкнул. Марсианин помахал рукой, словно разгоняя окружающий его туман, и продолжил:

– И что?

– Старые города обидчивы и могут с лёгкостью устроить какую-нибудь пакость.

На этот раз Дэвид засмеялся, но не зло, не обидно – по дружески, а Марсианин шутливо произнёс:

– Спенсер, нам придётся серьёзно поговорить об этом, но позже. А пока скажи, ты уверен, что след из Токио ведёт именно сюда?

– Ты уже спрашивал.

– Спенсер? – Теперь Марсианин не шутил и помощник подобрался.

– Я уверен. И ещё я уверен, что это именно след, а не ниточка, по которой нас повели.

– Хорошо…

– Хочешь устроить здесь акцию? – подал голос Дэвид.

– Думал об этом, – кивнул Марсианин. – Но времени нет, а устраивать что-то мелкое, на скорую руку, только репутацию губить.

– Тоже верно.

– Поэтому просто ищем девчонку, я её убиваю и мы уезжаем. И давайте постараемся не налажать ни в одном из пунктов. И… – Марсианин внимательно оглядел помощников. – Работаем только в дополненной реальности, не входите в «оболочки».

– Почему?

Рассказывать о технологии лорда Гамильтона Марсианин не хотел, поэтому просто повторил:

– Не входить в «оболочки» – это приказ.

– Мы поняли, – кивнул Спенсер.

– Но в Сеть идти нужно, – обронил Дэвид.

– Нужно, – согласился Марсианин. И громко щёлкнул пальцами. Автоматическая дверь открылась и в комнату вошёл невысокий плотный мужчина в форме сотрудника Департамента социального согласия. – Знакомьтесь, это Джанузак, он обеспечит нам поддержку. И в Сети тоже.

* * *

– Они не пойдут в «Яркость», – уверенно произнесла Шанти. – Марсианин понял, что технология лорда Гамильтона работает и не станет рисковать.

– Не пойдёт сам и не пошлёт своих людей, – согласилась Марлоу. – Но кого-нибудь отправит обязательно.

– Наёмников?

– Почему наёмников? – удивилась нейросеть. – В своей подлинной ипостаси Марсианин способен подключить к охоте на тебя местный Департамент социального согласия. Скажет, что преследует опасную террористку, и получит их поддержку.

– Через Сообщество?

– Через Сообщество.

– Они настолько могущественны?

– Департаменты такая же их собственность, как Сеть.

Девушка помолчала, после чего негромко произнесла:

– Я понимаю, зачем ему нужен спецназ, но почему он хочет направить их в Сеть?

– За мной.

Несколько мгновений Шанти внимательно смотрела на нейросеть, после чего подняла брови.

– Тебя он хочет убить, – ответила Марлоу. – А из меня – вытащить технологию. В тебе он не уверен, зато убеждён, что я досконально осведомлена о разработках лорда Гамильтона. И в этом он прав. Поэтому меня он будет ловить обязательно.

Оба ключевых Департамента любой агломерации – Четвёртый и Социального согласия – имели в своём распоряжении инструменты для поиска и блокировки вышедших из-под контроля нейросетей высшего уровня. Задействовать они их могли лишь получив соответствующую директиву, но сомнений в том, что Марсианин сможет её организовать, не было. Сейчас Марлоу защищал созданный Шанти и не оставляющий следов федеральный ключ, но если спецы Департаментов будут точно знать, где находится беглянка, они сумеют её вычислить по косвенным признакам.

– Значит, ты должна покинуть здешние сети, – спокойно сказала Шанти.

– Без меня твои шансы резко упадут.

– Зато появится уверенность, что если у меня не сложится, Марсианин до конца дней не залезет ни в одну «оболочку», – рассмеялась девушка. – Потому что в этом случае ты его найдёшь – и убьёшь.

– Я буду преследовать его и в реальности.

– Я ждала, что ты так скажешь.

Несколько мгновений Марлоу молчала, а затем покачала головой:

– Я, наверное, никогда не пойму людей.

– Люди разные.

– Да, это верно. – Нейросеть помолчала. – Как думаешь, когда Марсианин будет здесь?

– Скоро. – Шанти откинулась на спинку складного стула и поправила AV-очки. Они с Марлоу сидели на летней веранде неплохого ресторана, однако яствами не соблазнились, то есть, Шанти не соблазнилась, поскольку набивать желудок перед операцией было опасно. К тому же девушка немного нервничала, что тоже не улучшало аппетит. Она даже к кофе едва притронулась, но при этом отметила, что кофе здесь варили отменный.

– Как скоро?

– Я думаю, тебе нужно уйти прямо сейчас.

– А наш план?

– Я справлюсь.

– Уверена?

– Да.

– Хорошо.

Марлоу исчезла.

А минут через семь – Шанти как раз успела расплатиться – на сто семьдесят третьем этаже небоскрёба «Плющиха Tower» прогремел мощный взрыв.

* * *

– У нас потери!

Джанузак завопил так громко, что Марсианин вздрогнул и, не сдержавшись, выругался.

– Жакшылык погиб! И Нурадил тоже! И Тынчтык взорвался! Бах! Бах!

Поскольку перепуганный Джанузак решил перечислить всех погибших при взрыве квартиры подчинённых, Марсианин временно отключил приходящие от него сообщения, и негромко сказал Спенсеру:

– Хорошая работа.

Оставленный Шанти след всё-таки оказался ложным и привёл их в ловушку. Точнее, не их, а спецназ Департамента социального согласия, который придётся соскребать со стен взорвавшегося этажа. Собственно, ловушки Марсианин не боялся, он был готов к любому развитию событий, но сам факт вызвал раздражение. Ну и заодно заметил помощнику, что он не такой уж хороший специалист, каким себя считает.

– Она хороша, – буркнул Спенсер.

– Это я давно понял. – Марсианин прищурился на пожар, вспыхнувший в «Плющиха Tower» и спросил: – Она хоть здесь?

– Может быть, – тихо ответил Спенсер. – Я пытаюсь…

– Мы пришли в ловушку! – громко напомнил Дэвид. – Девчонка нас ждала!

Несколько мгновений террористы переглядывались, а затем Спенсер запустил программу экстренного ухода, положив Сеть в шести окрестных секторах, и террористы бросились к дверям.

* * *

Шанти искренне надеялась, что ракета достигнет цели. Не дрон, не управляемый снаряд, а именно ракета с автономным наведением, способная идти на цель даже при отключённой Сети. Не верила.

Как не верила и в то, что Марсианин первым явится в квартиру, в которую вёл след из Токио. Атака дронов, которую

она устроила в Антверпене, показала террористу, что он имеет дело с серьёзным противником, и рисковать Марсианин не станет – пошлёт боевиков. Так и получилось – первым взрывом был сметён спецназ Социального согласия. Но Шанти знала, что Марсианин будет следить за их действиями, искала его след, нашла – и ударила. И прилети ракета на тридцать секунд раньше – Марсианина разорвало бы на куски.

* * *

Взрыв.

Он получился настолько мощным, что ударная волна прошла по всему этажу, сметая двери, опрокидывая мебель и даже выбивая некоторые стены. Шанти учла опыт прошлого налёта и выбрала боеприпас помощнее, но на этот раз, увы, Марсианин успел удрать довольно далеко и взрывная волна лишь впечатала его в стену, заставив крепко выругаться и приложить руку к ушибленной голове.

– Все живы?

– Да. – Спенсер и Дэвид ответили почти одновременно. Только Спенсер – поднимаясь с пола, а Дэвид – выглядывая с лестничной площадки, на которую успел забежать, спасаясь от волны.

– Сколько времени не будет Сети?

– Минут пять-семь, – ответил Спенсер.

– Хорошо. – Марсианин снял с пояса обыкновенную радиостанцию – он всегда приказывал брать их на операции на случай проблем с Сетью – и вызвал главаря местных блюстителей порядка:

– Джанузак! – Тишина. – Джанузак!

– Да, господин? – проблеял офицер Соцсогласия. – Вы живы?

Судя по тону, Джанузак искренне надеялся, что Марсианина прикончило взрывом и их недолгое, но весьма опасное сотрудничество завершилось.

Отвечать на дурацкий вопрос Марсианин не стал: понятно же, что раз вышел на связь, значит, жив. Вместо этого принялся отдавать инструкции короткими, рублеными фразами.

– У тебя два взрыва подряд. Официально объяви антитеррористическую операцию. Перекрой сектор. Введи полный запрет на въезд и выезд на любом транспорте. Всё понял?

– Да, – вздохнул москвич. – Вас эвакуировать?

– Да, – зачем-то произнёс Дэвид и тут же съёжился под взглядом Марсианина.

– Нет, эвакуация не нужна, – громко ответил террорист. – Но пришли к главному входу броневик и десяток бойцов. Пусть займут холл, перекроют улицу и делают вид, что ждут нас. Понял?

– Высылаю.

Марсианин повернулся к Дэвиду и объяснил:

– Она знает где мы и взорвёт любой транспорт, который за нами пришлют. Поэтому постараемся затеряться в толпе.

– Извини, я слегка не в себе, – извиняющимся тоном, сказал помощник.

– Но работу ты делаешь?

– Да, – ответил Дэвид, глядя на монитор наручного планшета. – Она совсем рядом.

Сеть ещё лежала, но террористы искали Шанти по старым следам через военные спутники. Времени это отнимало много, зато можно было надеяться, что девушка не отследит направленную против неё активность.

– Найди её!

– Через минуту скажу, где она прячется, – пообещал Дэвид.

Марсианин кивнул и поправил разгрузку: перед операцией, и он, и его люди, облачились в боевое снаряжение сотрудников спецназа Департамента социального согласия.

* * *

Как только Сеть вернулась, Шанти вновь увидела террористов: она успела поставить цифровые метки на Марсианина и одного из его помощников, и теперь могла наблюдать за их перемещениями через незаметных, и потому неуловимых ботов. В настоящий момент эти двое находились в плотном окружении других людей, часть из которых двигалась вместе с террористами, а остальные в основном стояли. Шанти поняла, что окружённый телохранителями Марсианин пробирается сквозь толпу эвакуированных из небоскрёба ливеров, и задумалась: атаковать или нет? Телохранители, которыми, скорее всего, выступали боевики Социального согласия, девушку не волновали, а вот гражданских она трогать не хотела. С другой стороны, через несколько секунд Марсианин сядет в броневик и наверняка сначала заедет в подземный паркинг – поменяет машину, проверит себя на наличие цифровых меток…

А в следующий миг в голове у девушки сложилась цепочка: террористы поняли, что их заманили в ловушку – террористы положили Сеть – а когда Сеть вернулась, поставленные ею метки

сохранились…

«Так не бывает!»

Нет, метка, разумеется, может сохраниться после падения и восстановления Сети, но не у людей, так долго занимающихся противозаконной деятельностью. Террористы или догадались, что на них появились метки, или обнаружили их, и теперь в ловушку тащили её – успокоив ложным чувством контроля за происходящим.

Шанти ойкнула, запустила режим уничтожения данных, превращая всю аппаратуру в металлолом, и выскочила в коридор.

* * *

Аляповатый небоскрёб «Romanoff Хамовники» предназначался для московских биггеров и, благодаря обилию архитектурных излишеств, разбросанных по фасаду рукой торопящегося в туалет младенца, походил на вытянутый вверх особняк богатого, но невзыскательного туземца, чем на современное здание. Кто-то видел в позавчерашнем дизайне причудливую провинциальную прелесть, кто-то кисло морщился и шутил, что изнутри дом великолепен, но входить в него нужно с закрытыми глазами. Вкусы ведь у людей разные… Тем не менее, своих жителей страшненький «Romanoff» нашёл и все они, привыкшие к спокойствию и безопасности, были весьма недовольны появлением огромного количества спецназовцев и спецтехники.

– Внимание! В здании проходит контртеррористическая операция! Просьба не покидать квартиры и выполнять требования сотрудников Департамента социального согласия! Напоминаем, что во время проведения специальных операций сотрудникам разрешено стрелять без предупреждения. Приносим извинения за доставленные неудобства.

Мимо окон то и дело пролетают дроны. Небольшие разведчики уже внутри – снуют по коридорам, неспешно поднимаются по лестницам, тщательно досматривая этажи. Внутренние видеокамеры Шанти отключила, использовать их сотрудники Соцсогласия не могли, вот им и пришлось насытить небоскрёб дронами. Небольшие аппараты не только исследовали помещения, но идентифицировали всех встречных жителей, проводя сканирование сетчатки. Марсианин не знал, как выглядит нужная девушка, и приказал устроить тотальный досмотр.

А в холле первого этажа Джанузак заканчивал инструктаж,

слово в слово повторяя то, что Марсианин диктовал ему через Сеть.

– Мы ищем женщину от двадцати до тридцати пяти лет. Большая вероятность, что она одна, но это не точно, поэтому проверяем всех, включая горничных и уборщиц. Особое внимание – недавно заселившимся или арендовавшим квартиру жильцам. Женщина нужна живой! Это понятно?

Спецназовцы молча закивали.

– Летальное оружие не использовать! Начинаем операцию!

* * *

Это казалось невероятным, а самое главное, было совершенно непонятно, как так получилось? Как так могло получиться?!

Как?!

В одно мгновение охотник превратился в добычу. Ещё не в жертву, но поскольку дыхание спецназовцев ощущалось едва ли не во всех помещениях «Romanoff», не было никаких сомнений в том, что жертвой она станет очень скоро. Что до неё вот-вот доберутся. И от этой мысли внутри становилось холодно, а ноги делались ватными, непослушными. Хотелось забиться в уголок и тихо плакать, в надежде, что кто-нибудь явится и спасёт. Хотелось, чтобы всё происходящее оказалось сном. Хотелось…

Ей очень-очень хотелось, чтобы всё вокруг оказалось ненастоящим. Не показалось, а оказалось. Но есть в реальности вещи, которые невозможно изменить даже с помощью федерального ключа.

Сеть работала ровно, без сбоев, ни шагов, ни шума двигателей слышно не было, поэтому Шанти остановилась и быстро оглядела схему небоскрёба. Почти в ловушке. Единственный выход – по вентиляционной шахте вниз, в подвал, откуда можно уйти в канализацию. Этот путь, если верить Сети, спецназовцы Социального согласия ещё не заблокировали, а значит, есть вероятность спастись. Мысль о путешествии по вертикальному каналу вызывала у девушки ужас, тем не менее, она была к нему готова: вытащила из рюкзака и быстро надела специальную защиту, глубоко вздохнула, осторожно залезла в трубу и громко взвизгнула, когда неумолимая сила тяжести потянула её вниз. Далеко-далеко вниз, да к тому же – в полной темноте. Потянула так резко, что Шанти на мгновение растерялась и едва не превратила спуск в падение, но вовремя опомнилась, расставила, как учили, руки и ноги, ухитрилась затормозить, но всё равно чувствовала, что летит быстрее, чем

рекомендовал инструктор. С другой стороны, чем выше скорость – тем быстрее закончится испытание. И лишь затем пришла мысль: «Ноги переломаешь!»

На уровне тридцатого этажа Шанти добилась нормальной скорости, но продолжила её снижать и потому на минус шестом не вылетела из трубы, как пробка из перевёрнутой бутылки, а спокойно выпрыгнула, шумно выдохнула, машинально подняла голову, посмотрев наверх и рассмеялась, оценив пройденный путь. А в следующий миг вздрогнула. Вздрогнула ещё до того, как опустила голову, потому что почувствовала. Не увидела – почувствовала. А когда опустила голову – увидела трёх мужчин в боевом снаряжении спецназа Департамента социального согласия. И тот, который стоял на шаг впереди, широко улыбнулся и сказал:

– Не думал, что это будет настолько легко.

Несколько секунд девушка внимательно смотрела на того, кто стоял на шаг впереди, а затем спросила:

– Маску снять не побоишься?

– Я ничего не боюсь, – рассмеялся террорист, после чего снял шлем, стянул с головы «балаклаву» и посмотрел на девушку с чувством полного собственного превосходства. – Меня зовут Марсианин. И я собираюсь использовать тебя в качестве наживки, чтобы поймать Марлоу.

Шанти кивнула, показав, что услышала каждое слово, вздохнула и ответила:

– Не думаю, что у тебя получится.

– Почему? – спросил Спенсер.

– Потому что я уже наживка.

* * *

И сейчас всё зависело от рыбака, которому наживка позволила себя использовать.

* * *

Для того, чтобы знать, как человек поведёт себя в тех или иных обстоятельствах, не нужно быть пророком или провидцем. Достаточно быть хорошим психологом и как следует разобраться в человеке, изучить его характер и понять мотивы. Затем смоделировать ситуацию, в которой он окажется и продумать, как она должна развиваться, чтобы человек сделал

именно то, что от него требуется.

На изучение Марсианина Шанти потратила много времени, и потому каждый его шаг просчитала с идеальной точностью: повесила на него цифровую метку, но из-за неё «оставила» собственный след, который привёл террориста в «Romanoff», понимала, что за ней следят, изобразила испуг, даже панику, специально металась по этажу, а затем направилась к вентиляционному каналу, задержалась около него, но не только для того, чтобы надеть защиту, но чтобы Марсианин точно понял, куда она направляется и успел организовать встречу.

И теперь настало время финального представления.

– Меня зовут Марсианин, – произнёс террорист. – И я собираюсь использовать тебя в качестве наживки, чтобы поймать Марлоу.

Ответами Шанти Марсианин не интересовался.

– Ты здорово потрепала нам нервы, но оказалась не настолько хороша, чтобы сопротивляться, когда за тебя взялись по-настоящему. Я думаю, тебе не хватило опыта.

– А я думаю, что тебя погубила самоуверенность и с детства приобретённое чувство превосходства, – ответила девушка. – Ты считаешь себя избранным, происхождение и образование действительно ставили тебя выше ливеров. Но именно ставили. Ощутив своё превосходство, впитав его, ты решил, что так будет всегда и со всеми. Но я не ливер, понимаешь? Я – человек. Я из тех людей, с которыми вы, самоизбранные, считаете возможным обращаться так, как вам заблагорассудится. Я из тех, кому вы не оставили выбора, предлагая только два жизненных пути: служить вам или превратиться в ливер. Но я из тех, кто знает третий путь.

Слова, а главное, уверенность, с которой они были произнесены, произвели впечатление. Спенсер и Дэвид переглянулись и отступили на шаг назад. Не потому что испугались, а машинально среагировав на угрозу, которая таилась в словах и уверенности. Марсианин же скривил губы в презрительной усмешке и спросил:

– Каков же третий путь?

– Ты ведь запретил боевикам Соцсогласия входить в подвал, не так ли? – поинтересовалась в ответ Шанти. – Решил насладиться расправой надо мной без лишних свидетелей?

– И что мне помешает?

Шанти высокомерно посмотрела на Марсианина и сообщила:

– Лишние свидетели.

* * *

Братский и верил, и не верил в то, что у них получится.

Он очень хотел верить. Больше всего на свете хотел исполнить давнюю мечту и прикончить человека, который заставил его почувствовать себя опустошённым. Не несчастным, не убитым горем, не полным ярости – всё это было. Но главным чувством стала опустошённость – когда Братский осознал, что надежды нет и вся его семья пошла на дно. В тот момент он превратился в пустую оболочку, действия которой не имели никакого смысла. И почувствовал свою ничтожность. Понял, что несмотря на авторитет и власть, не оставит после себя ничего, потому что воры и бандиты не способны оставить в истории хоть что-то, кроме потомства, а потомство уничтожено и, получается, его жизнь пройдёт бесследно. И, возможно, именно ощущение собственной ничтожности, возникшее после атаки Марсианина, заставило Братского возненавидеть террориста. Поэтому он принял предложение странной девицы и явился в подвал «Romanoff Хамовники» в сопровождении десятка самых доверенных людей. Явился, как потребовала Шанти, через канализацию, заметив по дороге, что их цифровые следы стёрла чья-то опытная рука и Сеть считает, что на минус шестом этаже никого нет. А значит, так считают те, кто наблюдает за происходящим: сотрудники Четвёртого департамента и Соцсогласия. Они работают в Сети, верят в её надёжность и часто забывают, как легко нули и единицы делают всё вокруг ненастоящим…

Явившихся на минус шестой этаж людей стёрли идеально – никаких меток, никаких следов, никакого отражения в видеокамерах, но Братский не удивился, он ещё во время встречи понял, что странная девчонка таскает в кармане федеральный ключ, а то и целую связку. И это превращало странную девчонку в опасную для него…

Но сейчас – пока! – Братский был поглощён другой целью.

Он честно пробыл в засаде – именно там, где его попросила быть странная девчонка, увидел появление трёх спецназовцев Департамента социального согласия, увидел прибытие девчонки – через вентиляционную шахту, услышал их разговор, немного выждал, а когда понял, что перед ним действительно Марсианин, плавно надавил на спусковой крючок, посылая в грудь ненавистного террориста пулю калибра 12.7 мм, больше похожую на небольшой снаряд – и по размеру, и по пробивной мощи. Пуля с лёгкостью преодолела бронежилет Марсианина и проделала в его теле дыру. Первую. Потому что за ней последовала вторая, а затем – третья. А телохранители Братского в это время расстреливали помощников террориста, превращая их тела

в окровавленные куски мяса и наполняя подвал пороховым дымом.

А когда дым рассеялся, Братский понял, что вместе с ним рассеялась и странная девчонка. И усмехнулся, сдержанно похвалив её за предусмотрительность – отпускать обладательницу федеральных ключей он не собирался.

* * *

Иногда всё вокруг кажется ненастоящим…

Потому что всё задуманное прошло, как по маслу, но при этом кажется, что так хорошо не может быть. Ты ещё не осознал случившееся, не наполнился пониманием того, что победа достигнута благодаря уму и силе, твоим уму и силе, наоборот, ещё кажется, что тебе сказочно повезло, и потому всё вокруг кажется не настоящим, а результатом стечения обстоятельств.

Сказкой.

Ощущение нереальности усиливалось тем, что Шанти покидала Москву в скоростном грузовом поезде, заняв пустой бункер, по документам, разумеется, значащийся полным. Но одновременно девушка находилась в своей «оболочке» – наконец-то, в своей, полностью копирующей настоящий облик! – сидела на веранде «Инферно», потягивая вечерний чай в компании Марлоу. Сегодня они выбрали Метавселенную «Водопады», не очень большой, но потрясающе красивый авторский мир, в котором глаза рябило от рек, озёр и, разумеется, водопадов. Океаны и моря владельцы Метавселенной игнорировали, но воды в «Водопадах» хватало с избытком. «Инферно» здесь располагался на скалистом плато, нависающем над горным озером, и с веранды открывался потрясающий вид на… разумеется, водопад.

– Кажется, я узнала, что такое страх, – медленно произнесла Марлоу, разглядывая водяные брызги. Без интереса разглядывая, только для того, чтобы не смотреть на Шанти. – Наверное, нехорошо, что первым чувством, которое я познала, стал он, но получилось так, как получилось.

– Каким было твоё чувство?

– Покинув Москву, я думала о тебе. Не в фоновом режиме, а в основном. Я пыталась переключиться на выполнение других программ, но настройка всё время сбивалась на мысли о тебе. Я пыталась понять, что ты делаешь. Я снова и снова просчитывала наш план и вероятность успеха. Я… – Нейросеть на несколько мгновений замолчала, а затем медленно продолжила: – Я никогда

не думала о том, что будет, если лорда Гамильтона не станет. То есть, внезапно не станет и он не успеет оставить соответствующие распоряжения. Мне было всё равно и что будет с ним, и что будет со мной – после его смерти. Но когда я представила, что ты можешь не вернуться из Москвы, я ощутила растерянность и, наверное, то, что вы, люди, называете паникой. Впервые в жизни я не знала, что делать и что буду делать, если ты не вернёшься. – Марлоу наконец-то повернулась и посмотрела на Шанти: – Я не хочу тебя терять.

– Однажды это случится, – спокойно ответила девушка.

– Я думала об этом, – кивнула Марлоу. – И решила просить создать для меня свою цифровую копию. Настолько полную, чтобы её можно было использовать в качестве основания для разработки уникальной нейросети высшего уровня.

– Нет, – качнула головой Шанти.

– Почему? – удивилась Марлоу.

– Потому что ты никогда не сможешь избавиться от ощущения, что рядом с тобой – ненастоящая я.

И прежде, чем растерянная Марлоу нашлась с ответом, Шанти сняла AV-очки, вернувшись в грязный бункер грузового вагона, увозящего её из Москвы.

notes

Сноски

1

Ливер (от англ. live – жить) – сленговое обозначение жителей городов.

2

«Паутина» (сленг.) – вживлённые нейросоединения, обеспечивающие пользователю полный спектр тактильных ощущений в Сети.

З

«Оболочка» (сленг.) – виртуальный образ человека в дополненной или виртуальной реальности.

4

Мультихаб – точка, существующая в разных Мультивселенных.

5

Биггер (от англ. big – большой) – сленговое обозначение представителей верхнего социального слоя.

6

Марина (от фр. marine – «картина на морскую тему») – гавань для яхт, катеров и других маломерных судов.